

**НОВЫЕ
ГЕРОИ**

**НАШ ЧЕЛОВЕК
В МИРЕ ГНОМОВ**

СЕРГЕЙ ШКЕНЁВ

**ДЖОННИ
ОКЛАХОМА,**

ИЛИ МАГИЯ МАССОВОГО ПОРАЖЕНИЯ

Annotation

Кто из фантастов не мечтал оказаться в придуманном им самим мире?.. Ивану Смирнову, известному среди друзей под прозвищем Джонни Оклахома, повезло... Если, конечно, оказаться в роли наследника захудалого графства, опутанного долгами, да еще и за несколько мгновений до собственной гибели, можно назвать везением. Из первой передраги новоявленный виконт Джонни кое-как выпутался, но тут же подоспел гномий бунт под странно знакомыми лозунгами: «Людей на ножи! Кто не скачет, тот не гном! Первогном придет — порядок наведет!» Вот уж воистину, не было печали...

Сергей Шкенёв

Джонни Оклахома, или Магия массового поражения

В оформлении переплета использована работа художника Е. Деко

© Шкенёв С., 2015

© ООО «Издательство «Яуза», 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Глава 1

До банкомата триста шагов и тридцать потраченных на них минут. Три сотни точно отмеренных шагов. Выбросить вперёд костыли... перенести вес, пока непослушные ноги не подломились... подтянуть их... опять выбросить костыли... Привычно и знакомо за последние шесть лет.

Потом в магазин — восемьсот тридцать шагов. Далекое. Огромный и сияющий огнями супермаркет гораздо ближе, но Ивану нравилось ходить именно сюда. Тут человечнее, что ли? Да и толкать тележку, одновременно опираясь на костыли, невозможно.

Три ступеньки до двери — самое трудное. Хозяин магазинчика при каждой встрече божится, что обязательно сделает пандус, но то ли времени не хватает, то ли денег. Сквозь стекло видно, как спешит навстречу продавщица — Иван не самый богатый и не самый постоянный покупатель, но ему всегда помогают подняться. Кто-то просто так, а у этой личное. Бывшая одноклассница, когда-то провожавшая в армию и так и не выскочившая замуж.

— Привет, Джонни! — Голос весёлый, а у самой в уголках глаз блестят слезинки. — Держись за меня.

Угу, держись... девяносто два кило против её пятидесяти.

— И тебе не хворать, солнышко!

Улыбается уже грустно. Ирка в самом деле хорошая, и если бы не чёртова война! Да и сейчас делает намёки. Очень прозрачные намёки.

— Я не солнышко, я просто рыжая.

Как раз тот редкий случай, когда медный цвет волос и чуть смуглая, хорошо поддающаяся загару кожа. Упругая и гладкая кожа. Он знает...

— Лаврентий у себя? — Кое-как перебравшись через порог, Иван плюхнулся на стул у входа. — Позови, пожалуйста, будь добра.

— Здесь, куда он денется? — Ирка тряхнула головой. Знает, зараза, как завораживающе действует на него рыжий водопад. — Опять праздник, Джонни?

На английский, или, скорее, американский, манер Ивана прозвали в школе, а когда разозлившийся парнишка пообещал разделать дразнилок под хохлому, то стал ещё и Хохломой. К десятому классу — Джонни Оклахемой.

Хитрый, умный и очень старый Лаврентий Борисович Кац появился буквально через минуту. Сначала из двери выплыл внушительный живот, потом неизменная сигара... и вот уже весь целиком.

— Ваня, друг! Какими судьбами? Неужели соскучился? Не верю!

— Я тоже не верю в твою радость, Борисыч, — не остался в долгу Иван. — Коньяк есть?

— Коньяк? — Кац задумался, разглядывая витрину с разнокалиберными бутылками, где можно было разглядеть этикетки «Хеннесси», «Арарата», «КВВК» и прочих «Мартелей». — Где же его взять-то?

— А ты поищи.

Борисыч прищурил грустные от природы глаза и расхохотался, показав крепкие прокуренные зубы. Давно уже, со времён перестройки, талонов и сухого закона, все знали — у Лаврентия не купить приличного пойла, но если очень нужно, то только у него можно это приличное пойло достать. Чаще всего даром, так как старый еврей не любил брать деньги за

оказываемые хорошим людям услуги. Вот за то, что разливается в подвале неподалёку, — платите сколько угодно.

В принципе и там не отравка, а левак с ночной смены ликёро-водочного завода, но сегодня особый случай.

— Найду! — Борисыч выставил указательный палец пистолетиком. — Но ты мне дашь автограф.

— Откуда знаешь?

— Элементарно, Джонни! Если человек четыре месяца подряд покупает одну бутылку пива в неделю, а потом вдруг требует хороший коньяк...

— Шерлок Холмс.

— Хоть доктор Ватсон, пофигу. И не сопротивляйся, поляна с меня. К восьми часам вечера ставь чайник, а остальное мы с Ирккой принесём.

— Её-то зачем?

— Надо! — Лаврентий помахал у Ивана перед носом кулаком. — Присушил девку и сваливаешь? У-у-у, Достоевский... Ира!

— Да, Лаврентий Борисович?

— Закрываемся в семь и идём к Ваньке обмывать новую книжку.

— Гонорар, — поправил Иван.

— Тем более. Ира, ты когда-нибудь пила коньяк с настоящим писателем?

— Зимой, а что?

— Да, точно, — нимало не смутился Борисыч. — Тогда уйдёшь прямо сейчас и поможешь этому юному таланту приготовить стол. Сама же знаешь — у творческих людей вместо мозгов клавиатура.

Неприятно шкандыбать на костылях, когда рядом идёт нагруженная тяжёлыми сумками красивая девушка. Чувство собственной беспомощности больно царапает душу и бьёт по самолюбию вплоть до привкуса крови во рту. Нет, это губу невзначай прокусил, сдерживая злость.

Ирка тяжести не замечает, хотя с поклажей напоминает сейчас таджикского гастарбайтера, перебирающегося со стройки на стройку и таскающего в баулах пожитки всей бригады, включая чугунный казан для плова и портрет любимого ишака покойной бабушки в натуральную величину. Борисыч загрузил не жалеючи.

— Слушай, Джонни, а твоя принцесса выйдет замуж за рыцаря Блюментроста? А то уже вторую книгу ругают, ну прямо как мы с тобой!

Иван и в самом деле писатель. Правда, из скромности он называет себя просто издающимся автором, но девятнадцать томиков на книжной полке возражают против преувеличенной скромности. Скоро их станет двадцать — полученный гонорар является не совсем гонораром, а авансом издательства. Остальное через два месяца после выхода из печати, и вот лишь тогда можно будет говорить о гонораре.

Писать он начал случайно, сначала просто читал, проводя за компьютером дни и ночи. А что ещё делать инвалиду, для которого прогулка по улице считается чуть ли не подвигом? Не водку же пить? Да, увлёкся фантастикой, потом перешёл на фэнтези с магами, драконами и прочими эльфами — душа просила чуда. И однажды понял, что сможет написать много лучше, чем мутный поток сознания и неудовлетворённых желаний пополам с комплексами, заполнивший Интернет и книжные прилавки. Мешало одно но — фантастика требует хоть

какого-то образования кроме средней школы, а вот с этим туго.

Выход всегда есть. И заскакали по страницам донельзя благородные рыцари, зашуршали кринолинами и зазвенели бронелифчиками не менее благородные дамы, отправились в полёт огнедышащие драконы. Даже эльфы-гомосеки, как того требует недавно появившаяся литературная традиция, тоже имелись. Имелись с гоблинами, орками, гномами, троллями... Современный читатель падок на клубничку, замешенную с розовыми соплями. Да-да, что за книжка без розовых соплей?

На гонорары не разжиреешь, но, выдавая по четыре романа в год, Иван мог себе позволить смотреть на жизнь с некоторым оптимизмом. Во всяком случае, не боялся подохнуть с голодухи на пенсию, которой хватало на коммунальные платежи, оплату Интернета и двухразовое питание три дня в неделю.

Ирка всё не унималась:

— Так они поженятся в третьей книге?

Как маленькая, ей-богу. Нельзя в двадцать пять лет быть настолько наивной, чтоб не понимать главную суть фэнтези — обязательный хеппи-энд с неременной лав стори. Иначе целевая аудитория не воспримет. Кто нынче может написать книгу с гибелью главных героев? Разве что Ивакин да Буркатовский, но от них другого и не ждут. Репутация, однако.

У Ивана её нет. Его конёк — мечи, магия, магические академии и войны с нечистью или со злыми тиранами, стремящимися уничтожить славное и уютное королевство, возглавляемое добрым, умным и очень старым королём, готовым уступить трон положительному главному герою. Разумеется, в обмен на спасение погибающего государства, но иногда просто авансом.

— Поженятся.

— А мы?

От неожиданности Иван запутался в костылях и полетел лицом вперед, изо всех сил стараясь извернуться и не протаранить железную урну на краю тротуара. Не получилось извернуться — задел левой бровью. После падения попытался приподняться на ободранных руках и несколько мгновений тупо рассматривал красные капли на асфальте. Не капли даже, целая лужица набралась.

— Вот же...

— Ванька! — Ирка бросила сумки и тут же ухватила за руку пронесившегося мимо парня на роликовых коньках. — Помогай давай!

У того от резкой остановки ноги проехали вперед, и с воплем, явно не похожим на крик радости, конькобежец хряснулся задницей о бордюр.

— А-а-а!!!

Решив, что двух инвалидов на одном квадратном метре для неё слишком много, рыжая бросилась к своему избраннику и попыталась перевернуть его на спину, чтобы осмотреть повреждения и остановить хлещущую кровь. Не успела — завизжали тормоза, хлопнула дверца машины, и внушительный бас произнёс, характерно растягивая слова и проглатывая половину звуков:

— Не, я не понял, чо! Какая падла тут рамсы попутала?

Иван поднял голову и обомлел — огромный толстомордый тип с обритым налысо черепом непринуждённо перебрасывал из руки в руку кастет, казавшийся в его ладонях детской игрушкой. Взгляд без проблеска интеллекта, тяжёлая челюсть. И новый вопрос, вернее, заявление:

— И чо молчим, жертва?

Провокационное, между прочим, заявление, ну и спровоцировал.

— Кого ты жертвой назвал, гоблин анаболический? — Ирка, не вставая с колен, сняла туфлю и с размаху саданула верзилу. И попала точно туда, куда целилась.

— Ой-ё-ё... — Лысый зажал самое сокровенное, согнувшись в три погибели, и неосмотрительно подставил макушку для добивающего удара. — Ты чо?

В следующий момент его лоб стукнулся в асфальт, а взбесившаяся рыжеволоска схватилась за костыль.

— Всех убьём — вдвоём останемся! Правда, Ванечка?

Ванечка молчал — вёл подсчёт шлепков, отвечаемых попеременно шкафообразному детине и незадачливому конькобежцу. Да ещё немного печалился о судьбе сделанных на заказ костылей. Клеёные из дуба, самшита и бука, они в своё время обошлись почти в три пенсии.

Потасовка, точнее избиение, прекратилась неожиданно. Знакомый голос с едкими нотками произнёс:

— Мало того что одну сумку оставили, так ещё и драку устроили. А вы что делаете, Володя? Даже если решили срочно поломать лбом все тротуары в городе, то не стоит делать это бесплатно! Хотите, я всего за пять процентов помогу заключить договор с мэрией?

— Ой, Лаврентий Борисович! — Ирка опустила оружие убийства. — Представляете, на нас с Ваней напали!

— Вова, это так? — Появившийся в поле зрения Кац недобро нахмурился. — Володя, я в вас разочаровался.

Детина с трудом отдышался и, размазывая слёзы по красному, как пасхальное яйцо, лицу, начал оправдываться:

— Ты же меня знаешь, Борисыч!

— Знаю, Володенька, знаю. Потому и безмерно скорблю.

— О чём?

— О потере вашего морального облика!

Лысый осторожно, стараясь лишней раз не ворочать шейей, оглядел себя, но видимых снаружи дефектов не обнаружил.

— Не, а чо такова? Я за пацанов с раёна всегда впрягаюсь. Чо, нельзя? Если каждый залётный урод на роликах начнёт наших инвалидов с костылей сшибать... Чо, я не прав, Борисыч?

Ирка судорожно закашлялась и постаралась слиться со стеной. Но здоровяка заботило совсем другое:

— Да вот же он ползёт! Стой, подлюка, щас разбираться будем!

Только конькобежец предпочёл позорное бегство — на четвереньках проскочил перед трезвонящим трамваем, перекатился через проезжую часть, до смерти перепугав водителя гружённого щебнем «КамАЗа», и скрылся за припаркованными на противоположной стороне машинами.

Кац пригрозил вслед дезертиру дымящейся сигарой и принялся командовать:

— Вова, поднимите писателя с тротуара.

— Настоящего? Как братья Стругацкие?

— Берите выше — как братья Карамазовы!

Детина взял Ивана на руки и фыркнул в ответ на предложенную Иркой помощь:

— Ты, дева, сумки подбери. Куда нести гения?

Через час, когда отмытый и залепленный пластырем чуть ли не с ног до головы писатель лечил расстроенные нервы горячим сладким чаем и булочками с изюмом, Ирка решила спросить у колдующего над плитой здоровяка:

— Извините, Володя, вы не из бандитов будете?

— Он гораздо хуже. — Лаврентий Борисович отвлекся от процесса приготовления настоящей рыбы фиш с кисло-сладким соусом. — Он боксер-тяжеловес с отбитым содержимым черепной коробки. Призёр мирового чемпионата по версии Всегалактической Ассоциации бальных танцев с отягощениями.

— Ой, и такая есть?

— Борисыч шутит. — Вова зачерпнул полную ложку горчицы, отправил её в рот и пренебрежительно поморщился. — Слабая.

— Нормальная, — возразила рыжая, содрогнувшаяся от одного вида этой дегустации. — Лучшая в городе.

— Ты просто не пробовала настоящую, — ответил тяжеловес. — Я однажды в Одессе на Привозе покупал...

— Вот как? — Кац приподнял бровь. — Кто напомнит мне имя того поца, что надел Лёве Минкину на голову ведро с аджикой?

— Почему это сразу поц? — возмущился Вова. — И не ведро там было, а маленькая баночка.

— Лёва говорил за ведро.

— Он бы это отраву ещё цистернами считал. В следующий раз башку отверну.

Иван поставил на краешек стола пустую чашку и осторожно поинтересовался:

— Простите, Владимир, а зачем боксёру кастет?

— Привычка, — смутился Вова. — Но вообще-то он пластмассовый. Опять же с начальством удобно обсуждать финансирование моей лаборатории: приходишь, значит, в кабинет и небрежно так играешься...

— Какое финансирование?

Вместо боксёра ответил Лаврентий Борисович:

— Вова у нас заведует лабораторией в НПО «Лазурит». Кандидат наук, между прочим.

— Да? — Глаза у Ивана округлились до невозможности, отчего запульсировала болью рассечённая бровь. — Тогда зачем вот этот маскарад?

— Не маскарад, просто маска, — уточнил боксёр, с некоторой долей смущения застёгивая верхние пуговицы рубашки, чтобы скрыть золотую цепь в палец толщиной. — Зато в трамвае никто не хамит.

— Вы ездите на трамвае? — удивилась Ирка, вспомнившая про оставленный на улице «Лендровер».

— Нет, не езжу, но вдруг когда-нибудь придётся?

Гости разошлись поздно вечером. Изрядно подвыпивший боксёр порывался вызвать всем такси, но Лаврентий Борисович предпочёл пешую прогулку, а Ирка, загадочно посмеиваясь, отказалась, ссылаясь на необходимость перемыть посуду. Вот её-то, не посуду, разумеется, выпроводить оказалось труднее всего — слёзы, упрёки в чёрствости и жестокосердии... Так похоже на маленький семейный скандал! А ведь Иван был твёрдо уверен, что не давал

никаких поводов к матримониальным поползновениям. Ну да, было пару раз, может, чуть больше, но это до армии, когда ещё мог ходить на двух ногах.

Вот дура! Ну зачем ей связывать жизнь с инвалидом? Вбила в свою рыжую башку бредовую мысль и теперь носится с ней как с писаной торбой.

Но всё же выпроводил, объяснив необходимость остаться одному горящими сроками по сдаче очередной книги. Вот этому поверила, хоть и с большим трудом. Правда, пообещала заглянуть утром и проверить — всё равно выходной. Неугомонная ведьма даже запасной комплект ключей вытребовала. Да не жалко, пусть берёт, а то вот так сдохнешь ненароком, и пока соседи не начнут возмущаться из-за запаха...

Впрочем, эти соседи только обрадуются, ибо упрямый писатель, отказывающийся продавать квартиру скупившим почти весь дом сектантам, давно у них костью в горле. То ли адвентисты, то ли иеговисты... разинули пасть на лакомый кусок в виде трёхэтажного особняка дореволюционной постройки в центре города. Улыбчивые джентльмены в безукоризненных костюмах приходили к Ивану раз в неделю, постоянно повышая предлагаемую цену. Но чуть-чуть повышали — через пару лет, глядишь, хватит на однокомнатную где-нибудь в ближайшем пригороде. Жлобы.

Жильё досталось писателю по наследству. Отец, заместитель начальника военного училища, получил его в далёком восемьдесят восьмом году, как раз после рождения сына. Получил, но толком пожить не успел, умер от обширного инфаркта во время командировки в Москву девятнадцатого августа девяносто первого. Мать продержалась на пятнадцать лет дольше.

— Да идут эти кришнаиты в задницу! — Иван помотал головой, отгоняя тяжёлые воспоминания, и включил комп.

Тот весело зажужжал кулерами, обрадованный вниманием хозяина, загрузился, по голосовой команде открыл браузер и выдал сообщение о пришедших на электронную почту письмах. Ага, две штуки из издательства. В первом редактор оправдывается, что задержка с переводом аванса произошла исключительно по вине бухгалтерии, а во втором спрашивает пожелания по картинке на обложке книги. Вежливый, паразит... Всё равно художники рисуют не то, чего от них ждут, а собственное видение, в большинстве случаев не связанное с сюжетом. Тоже творческие люди, однако.

Ладно, этот вопрос можно обсудить завтра в скайпе, а пока просмотреть остальную почту.

— Опять эти козлы?

В третьем письме с незнакомого адреса только цифры. Двенадцать тысяч. И закорючка, обозначающая евро.

— Оборзели, выродки.

Это соседи в очередной раз подняли предлагаемую цену. Аж на две сотни. И как только не разорвало от жадности? Экономят, наверное, — ведь спасение души и комфортное существование в загробном мире напрямую зависят от величины перечислений на счета штаб-квартиры секты, располагающейся где-то между Бостоном и Майами. Как есть жлобы!

— А теперь вечерние псалмы! — Иван злорадно потёр руки, прислонил колонки акустической системы к стоявшему на боку пустому аквариуму, придвинул получившуюся конструкцию к стене, укрыл толстым одеялом, и... — Маэстро, урежьте марш!

Вы любите в два часа ночи слушать «Рамштайн»? Рекомендовано как лучшее средство от сонливости!

Утро началось со звонка участкового, получившего кляузу от соседей. Старший лейтенант Тетюшев тоже когда-то учился с Иваном в одном классе, поэтому предварительно поинтересовался, не нужно ли сначала зайти в магазин за молоком или хлебом.

— Ага, пару булок прихвати, если не трудно.

Тот ответил, что для хорошего человека ничего не трудно сделать, даже захватить чего-нибудь для более плодотворной беседы. Услышав отказ, хмыкнул в телефонную трубку и пообещал принести пива.

Сразу после разговора с участковым зазвонил мобильник:

— Да? База торпедных катеров слушает!

Невидимый собеседник хрюкнул в микрофон и заорал:

— Джонни, это Вован, в натуре!

— Ещё одному по утрам не спится.

— Я по делу, чо! Бумажник с документами у тебя не оставлял?

— Какая-то кожаная папка под столом валяется.

— Во! Это она и есть! Ты дома будешь?

— Нет, мля, на марафонскую пробежку отправлюсь. Конечно, буду, куда же я денусь.

— Сейчас зайду.

Только закончил с разговорами, как защёлкали замки на входной двери. Ирка? Ну да, кто же ещё! По-хозяйски разбросала туфли в прихожей, обругала давным-давно не чищенное зеркало на стене и рыжим вихрем влетела в комнату.

— Ещё спишь? — И тут же, сделав вид, будто споткнулась об оставленные у кровати костыли, рухнула на Ивана. — Ой, Джонни, я тебя не придавила?

— Изыди, бесовское отродье! — Писатель буквально разрывался между желанием засветить нахалке в лоб или поддаться зову природу. Победило благоразумие, но с очень небольшим перевесом. — Ты меня окончательно изуродовала.

— Где? Дай посмотрю.

Неизвестно, чем бы закончилось это покушение, если бы не деликатное замечание Лаврентия Борисовича Каца:

— Правильным курсом идёте, товарищи. Но дверь таки лучше запирать на замок.

— А подглядывать нехорошо, — нисколько не смутилась рыжая.

— Ой, Ирочка, — отмахнулся Кац, — не делай мне смешно. В восемьдесят два года единственное, что хорошо получается, так это подглядывание. Хочешь бесплатный совет?

— Хочу.

— Путь к сердцу мужчины лежит через кухню, а не прячется под одеялом. А ну марш готовить писателю кофе!

— С молоком?

— Фантасты пьют чёрный.

— А поэты?

— Поэты пьют всё, они традиционно алкоголики. Джонни, ведь ты не пишешь стихи?

— Нет, Борисыч, не пишу. А нужно?

— Ни в коем случае! — Кац наклонился и ухватил рыжую за ухо. — И где же наш кофе, деточка? Или вы предлагаете с утра пить пиво?

Хлопнула оставленная незапертой дверь в прихожей, и тощий субъект в полицейской форме продекламировал:

— А кто с утра уже не пьян, тот, извините, не улан! Пушкин сказал! Или Лермонтов, пофигу. — Потом заржал, видимо, подражая боевому коню того самого улана, и добавил: — К чертям собачьим кофе! Мы пьём пиво!

— Моё пиво, — заметил Кац. — Серёжа, вы опять обидели крышующую меня организацию?

— Обижаете, Лаврентий Борисович. — Участковый поставил на пол звякнувшую стеклом сумку. — Вы же им просроченное отдаёте, а я свежайшего принёс.

Крышей Кац называл стаю местной гопоты, вознамерившуюся однажды обложить коммерсанта данью. Неизвестно, что они там себе навыдумывали, но в результате проведённых переговоров у Борисыча появилось два десятка дворников и грузчиков, работающих на энтузиазме. Не совсем голым энтузиазме — стимулом служила возможность забирать пиво местного производства, до истечения срока реализации которого оставалось один-два дня. Владелец единственного в городе пивоваренного завода мог позволить себе некоторую благотворительность.

Иван, воспользовавшись тем, что Ирка всё же ушла на кухню, поспешил вылезти из постели и одеться.

— Борисыч, а ты тоже что-то вечером у меня забыл?

— Я? — Кац сморщился, будто хватанул текилы без лимона. — Джонни, неужели ты настолько разочаровался в людях, что не можешь предположить обычный визит вежливости к приличному человеку?

— И всё же?

— Кошелёк.

— Что кошелёк?

Лаврентий Борисович вздохнул и объяснил отдельно, как малолетнему идиоту:

— Очень старый больной еврей. Ночью. С кошельком. Один. Тебе уже смешно?

— Понятно, — кивнул Иван. — До полного кворума только Вовчика не хватает, но он скоро подтянется. Обещал.

Кац бросил взгляд на бумажник под столом:

— Я давно подозревал, что Вова из наших будет.

— Из жуликов и махинаторов? — уточнил участковый.

— Тьфу на вас, Серёжа!

Боксёр явился минут через пятнадцать и произвёл неслабый эффект. Когда он вышел прямо из стены между кухней и лестничной клеткой, Ирка выронила турку с кофе, и на визг прибежали все остальные. Чтобы тут же застыть соляными столбами подобно жене библейского Лота.

— Глюк! — Старший лейтенант Тетюшев опомнился первым. И машинально потянулся к пустой кобуре.

— Хр-р-р... — Вова угрожающе оскалил длинные, не меньше мизинца, клыки и выдохнул пламя. — Хрена ли устались, смертные?

— Всё ли готово к ритуалу, брат Михаил?

— Да, сиятельный магистр, можно начинать хоть сейчас.

— И кровь жертвы?

— Она в наличии, даже не пришлось организовывать вызов на медкомиссию со сдачей анализов — наш клиент вчера рассёк себе кровь на улице и изрядно наследил.

— Я это знаю, брат Михаил, потому и намереваюсь провести ритуал сегодня. Имеется в виду должная подготовка крови.

— Не извольте беспокоиться, сиятельный магистр, её состояние таково, что ни один из ослепительных владык не устоит перед искушением.

— Подарки ослепительному владыке?

— Невинная дева, праведный старец и неподкупный страж. Достаточно?

— Где они?

— Этажом выше, сиятельный магистр. Привести?

— Не стоит. Владыки кушают так неаккуратно, что... Не самое лучшее зрелище, брат Михаил. Начинаем через пятнадцать минут.

— Разрешите идти?

— Да, брат, идите. Пока я облачаюсь, можете начертить фигуру и зажечь свечи. Схему помните?

— Наизусть, сиятельный магистр.

— Хорошо, приступайте.

Мягко, без скрипа закрылась дверь, и улыбчивый человек в дорогом костюме от известного кутюрье сладко и со вкусом потянулся. Потом зевнул, едва не вывихнув челюсть. Чёртов инвалид! Это из-за него вот уже две недели невозможно нормально выспаться! Но всякому терпению есть предел, и сегодня он достигнут. Да свершится воля ослепительных владык!

Магистр, в миру отзывающийся на имя Морис Францевич Кирпша, произнёс приличествующую ситуации фразу вслух и поморщился. Нет, он никогда не был фанатиком и вызов демона рассматривал не с мистической, а исключительно с экономической точки зрения. Да, демон... да, из преисподней... что тут такого? Вселится в тело этого инвалида-писателя, подмахнёт нужные бумаги на продажу трёхкомнатной квартиры в центре города... Последняя из девяти квартир в доме. Можно, кстати, аукцион устраивать.

Разумеется, придётся отстегнуть малую толику головному предприятию — без официального прикрытия российские власти тут же объявят выгодный бизнес тоталитарной сектой, если не чем-нибудь похуже, и впаяют полновесный четвертак с отбыванием на пятьсот километров севернее Воркуты. А с крышей — вполне благопристойная организация с безупречной финансовой репутацией и налоговой отчётностью. Да, двух процентов заокеанским покровителям более чем достаточно. Или полтора?

Кстати, а демон в теле калеки очень даже поможет в дальнейшей работе по привлечению новых братьев. Образцово-показательный экзорцизм — неплохая реклама. На три показа его хватит, прежде чем донор будет окончательно растворён потусторонней сущностью? Должно хватить, ведь число подарков соответствует.

А даже если и не получится с представлением — наплевать. Главное, что упрямый безногий червяк (тут Морис Францевич улыбнулся, представив червяка с ногами)... да, он покорится силе! Ведь предлагали решить проблему любовно? Предлагали. Деньги давали? Давали. Много денег — за двенадцать тысяч евро вполне можно купить приличный дом в деревне. Пусть в двух сотнях километров от города по грунтовым дорогам, с печным отоплением, зато с электричеством и в экологически чистом районе. На Западе, между прочим, экологию ценят и уважают.

Магистр хмыкнул, ещё раз потянулся и, бодро поднявшись с кресла, распахнул дверцы старинного, доставшегося от прежних владельцев шкафа. На плечиках новая, ни разу не надёванная мантия из лилового с золотой искрой шёлка. На полочке разноцветные мелки с добавлением толчёных костей самоубийцы — лучшее из того, что используется для написания заклинаний по призыву демонов. Рядом обруч чёрного металла с безоаром из желудка чёрного трёхрогого козла — величайшая ценность и редкость. Символ власти.

Владимиру Дмитриевичу Бородулину, боксёру-тяжеловесу, мастеру спорта международного класса и по совместительству кандидату наук, очень нравилось играть роль донельзя тупого громилы с коэффициентом интеллекта, застывшим где-то в районе нуля. Изобразить отрицательный IQ никак не получалось. Даже сегодня, когда вошёл в образ, нисколько не напрягаясь, так как в точности соответствовал ему. Да что скрывать — наш здоровяк пребывал в состоянии, суконным языком милицейских протоколов называемом «состоянием сильного алкогольного опьянения», и на ногах держался лишь в силу привычки.

А во всём виноват аппетит, нисколько не пострадавший от возлияния накануне и заставивший заглянуть в холодильник в поисках съестного. Продукты отсутствовали, за исключением двух банок майонеза, зато присутствовала бутылка ирландского виски, купленная в Кракове после поединка с этим... как его там... У поляков вообще странные фамилии, особенно если они негры. Но вылетают за канаты в первом же раунде не хуже всех прочих.

Вот эта бутылка и сгубила, потому что семьсот граммов на сто тридцать кило практически не действуют, но вызывают сильнейшее желание накатить ещё пару рюмок. Потом ещё пару... и пива сверху. А закуски не надо, она градус крадёт.

Результатом неосторожности стало то, что Вова сейчас стоял в подъезде дома и мучительно соображал, куда же идти дальше. Первый этаж — это точно, но направо или налево? Или вообще прямо? Так... писателя вчера нёс в правой руке... Дверь открывал левой? Ага, значит сюда. Ой, заперто!

Боксёр нажал на пуговку звонка. Нет, не открывают. А если ещё раз. И не отпускать? Бесполезно. Заснул там Джонни, что ли?

Попробовать ногой? Ага, вроде открывают.

— Вам кого? — Неизвестный тип в подозрительной чёрной хламиде с решительным видом загораживал проход.

— Куда Ваньку дел, терпила? — Вова убрал помеху, но немного не соразмерил силу, и тип, ударившись лбом в стену, сполз по ней на пол.

— Кто там, брат Михаил? — прозвучал недовольный голос из комнаты с застеклёнными дверями. — Гоните всех прочь!

— Чо? Не, ты чо гонишь? — взревел здоровяк. — Рамсы попутал?

Хрястнули открываемые в обратную сторону створки... вот уроды, не могли петли

навесить как полагается... зазвенело осыпающееся стекло. Крупный осколок, похожий на турецкий ятаган, воткнулся в ногу чуть выше колена. Ерунда!

— Кто ты? — Модест Францевич, увидев надвигающегося не с самыми мирными намерениями великана, непроизвольно перешёл на визг. — Осторожно, свечи!

— Чо? — Вова посмотрел на пол, украшенный нарисованными мелом геометрическими фигурами и вязью странных закорючек. — Теорему Пифагора доказываешь?

— Нет!

— Тогда теорему Ферма?

— Нет, не трогай! — Магистр испуганным взглядом проследил за улетающим пузырьком. — Кровь!

— Чья, моя? — Вова растёр подошвой несколько капель, попавших на пол из пореза. — Не быкуй, чувак.

— Пентаграмма!

— Это октаэдр, дубина. Ты неграмотный?

Дальнейшие события боксёр воспринимал через какую-то багровую пелену, да и потом воспоминания об этом моменте остались смутные и невнятные. Обрывочные воспоминания. Вот он с удивлением смотрит на собственные пальцы с внушительными когтями на них. В следующий момент слушает торопливую скороговорку подозрительного типа в хламиде. Потом ломает шею и вырывает кадык... чувство глубокого морального удовлетворения... И непреодолимая сила, заставляющая пойти в соседнюю квартиру и убить там всех. Пойти прямо сквозь стену.

Двадцать минут спустя тяжёлый разговор на повышенных тонах перешёл в более или менее мирное русло.

— Нет, ты пойми, Борисыч...

— Не понимаю и понимать не собираюсь! — жестко отрезал Кац. — Демонов не существует!

— А я тогда кто? — Вова прикладывал ко лбу, где вздулась огромная шишка после встречи с чугунной сковородкой, позаимствованный в морозильнике аккумулятор холода. — Я он и есть.

Боксёр сидел на полу, и в его облике не было ничего сверхъестественного и потустороннего. Огонь больше не выдыхал, исчезли когти на пальцах и костяной гребень на голове... даже протрезвел, что самое удивительное.

— Ты не демон, ты идиот, — поставила диагноз рыжая. — Зачем сквозь стену прошёл?

— Ирочка, успокойтесь: это случилась коллективная галлюцинация и никто ни через что не проходил.

— Может быть, ему «Скорую» вызвать? — предложил участковый. — И на Кащенко, фигли.

Вовчику идея не понравилась, и сбитая когтистой лапой Серёгина форменная фуражка полетела на пол и тут же вспыхнула от огненного плевка.

— Новый линолеум! — заорал писатель. — Ты что творишь, демон?

— Вот! Только один Джонни меня и понимает. — Боксёр втянул когти, усилием воли убрал выпирающие изо рта клыки и смахнул непрошеную слезу. — Да, я демон.

— Таки да? — Кац почесал кончик носа. — А можно подробности?

Рассказ кандидата наук длился недолго, но после него наступило тягостное молчание, прерываемое междометиями и неопределёнными артиклями.

Участковый был первым, кто его нарушил:

— Я подозревал, что в этом доме что-то нечисто — были кое-какие сигналы. В принципе и пришёл сюда, чтобы с Иваном поговорить по поводу соседей.

— На сигналы, Серёжа, нам уже наплевать. — Лаврентий Борисович прокурорским жестом указал на боксёра. — Главная проблема в том, что этот поц испытывает огромную потребность убить нас.

— А за что?

— Он и сам этого не понял, но очень нужно. Я бы даже сказал — позарез нужно.

— Но почему не Ивана?

Вова, не поднимаясь с пола, буркнул:

— Джонни в заказе отсутствует. Тот урод чётко сказал — неподкупный страж, праведный старец и невинная дева.

— Это кто такие? — не поняла Ирка.

— И ты в том числе.

— С какой стати? — Рыжая покраснела. — Я не подхожу, вот и Джонни может подтвердить.

— Да?

— Да, и уже давно!

— Уважаю. — Демон-боксёр изобразил лёгкий поклон в сторону Ивана. — А остальные?

— Вы же меня знаете, Владимир! — Кац прикрыл глаза рукой и покачал головой. — Я вас умоляю!

— Точно, вы тоже не подходите. Но может быть, наш господин полицейский соответствует заданным параметрам?

Старший лейтенант внезапно испытал чувство, очень напоминающее панику. Можно даже сказать, что это и была именно она.

— Я не... — И замолчал, не сумев найти убедительных причин, по которым демон должен оставить его в живых.

Так уж получилось, что коррупция прошла мимо Тетюшева стороной. Нет, конечно же, Сергей знал о существовании таковой, но лично в ней участвовать как-то не доводилось. За всю карьеру взяток никто не предлагал, помогать с распилом скудного бюджета районного управления внутренних дел не звали, и даже бабушек, торгующих семечками у подземного перехода, и тех не крышевал.

— Ну же, Серёга, вспоминай! — Иван решил прийти на помощь однокласснику. — Мы с тобой стаканы из школьной столовой воровали!

— И портвейн из них в сквере за Дворцом пионеров пили, — совсем не к месту прокомментировала Ирка.

— Стаканы не считаются, — возразил Вова. — Только профессиональная деятельность.

Участковый побледнел и в который раз пожалел об оставленном в сейфе пистолете. Не факт, что против потустороннего существа поможет, но всё равно как-то спокойнее.

— Есть! — Появившаяся в голове мысль наполнила радостью и позволила с оптимизмом смотреть в будущее. — Я помог двум гастарбайтерам прописку получить. За взятку. Разумеется.

О том, что взятка состояла из двух дынь и пяти килограммов винограда, Серёга предпочёл умолчать.

— Врёшь, — не поверила Ирка. — Я же тебя с третьего класса знаю.

— И не вру! Они ещё мне каждую неделю машину моют. Бесплатно, между прочим.

А что грязная машина оскорбляет эстетические чувства бывших искусствоведов из Ташкента, устроившихся дворниками, тоже говорить не стоит. Это самая что ни на есть коррупция! Использование служебного положения в личных целях! Нет никакого неподкупного стража! Фигу вам!

— Да, старлей тоже отпадает, — согласился боксёр-демон. — Это что же получается... меня обманули?

— Как лоха развели, — блеснул знанием соответствующей терминологии Лаврентий Борисович. — Вы лох кудрявый, Володенька.

Повисла неловкая пауза, напоминающая тиканье будильника в самодельном взрывном устройстве — вот-вот рванёт. А прятаться уже поздно. И не прилетит Сергей Кужугетович в голубом вертолёте, не разрулит чрезвычайную ситуацию по понятиям.

— Развели, — согласился Вова. — Но так как договор всё равно заключён, я обязан выполнить его условия.

Рыжая крепко сжала ручку сковородки.

— Только попробуй.

— Я не в том смысле. — Демон встал с пола и прошёлся по кухне, оставляя глубокие царапины на новом линолеуме. — Формально — должен. Иначе меня просто разорвёт к чертям собачьим.

— Вот и хорошо. — Чугунная сковородка пришла в боевую готовность. — Всегда говорила, что утреннее пьянство до добра не доводит.

— Ничего хорошего, — покачал головой Вова. — Тебе нужен взрыв в пару мегатонн в центре города?

— Да? — оживился Кац. — Могу купить билет до Вашингтона или Лондона. В один конец, разумеется.

— За двадцать минут не успею, а с телепортацией я ещё не разобрался. Даже из города за это время не выехать.

— И что делать?

Вова нервно облизнул губы раздвоенным языком:

— Могу переместить всех в другой мир.

— Грохнуть, что ли? Вот этого делать не нужно.

— В другой, а не иной мир, — уточнил демон. — В параллельный. Там мой договор признаётся недействительным в связи с форс-мажорными обстоятельствами. Аллес капут!

— Что с собой брать? — Иван, в своих книгах многократно описывавший перемещения в другие миры, остался спокоен и деловит. Попаданство? Значит, будет попаданство. — Ограничения по весу и количеству существуют?

— Вроде бы нет. Если только атомную бомбу нельзя.

— А гранаты?

— Какие гранаты?

— Осколочные. Ф-1. Знаешь такие?

— Формально...

— К чёрту формализм — что не запрещено, то разрешено! Ирочка, солнышко моё,

помоги собрать сумки.

Рыжая, услышав такое обращение, не поверила своим ушам, но это не помешало ей с энтузиазмом взяться за работу. Клетчатые сумки, известные под названием «мечта оккупанта», стали наполняться всем, до чего дотянулись очаровательные девичьи ручки. И даже сверх того...

— Милый, ноутбук брать?

Иван на многозначительную оговорку внимание не обратил и лишь кивнул:

— Конечно, брат. Правильный попаданец без ноутбука как без рук.

— Соль, спички, зажигалки? — Ирка требовательно посмотрела на демона: — Там вообще что за мир?

— А какой нужен?

— Есть выбор?

— Небольшой, но есть. Я же ещё неопытный демон.

— Ну и?..

— Три мира после ядерной войны, четыре после нашествия инопланетян и орбитальных бомбардировок, шесть миров эпохи космической экспансии, два населены негуманоидными расами космического происхождения и один немного похож на наше Средневековье. Правда, немного модифицированное.

— И это ты называешь выбором?

— Не, а чо? — Вова взял со стола приготовленный к упаковке напильник и пару раз провёл им по когтям на левой руке. — Я бы инопланетян пошёл мочить.

— Ксенофоб!

— Ага!

Рыжая оглянулась на Ивана:

— Нам куда?

— Осталось пять минут, — предупредил демон.

— В Средневековье, — решил писатель.

Ирка радостно захлопала в ладоши. В будущем, где космические корабли бороздят просторы вселенной, студентке-заочнице политехнического института делать явно нечего, а среди отсталых аборигенов с копьями и мечами она будет самой умной! Или одной из самых умных!

— Лаврентий Борисович, Серёжа... помогите слабой девушке с багажом.

— Сам захвачу! — рявкнул демон и увеличился в размерах чуть ли не вчетверо, благо высота потолков позволяла. Одежда, кстати, тоже увеличилась. Резиновая? — Приготовились? Поехали!

Как именно нужно подготовиться, он не уточнил, и Иван просто закрыл глаза, ожидая грохота и световых эффектов. Ни того, ни другого не было.

— Вова, так мы перемещаемся или как?

— Уже прибыли, — довольно мерзко захихикал демон. — Зенки разуй!

Писатель последовал совету и обомлел...

— Гном, твою мать!

Самый настоящий гном с заплетённой в косички бородой, в шикарном пластинчатом доспехе крутил перед собой огромный боевой топор и многообещающе поблёскивал глубоко посаженными глазами из-под шлема.

— Оскорблять противника словом во время поединка неблагородно, сэр Джонни! Исключительно действием! Возьмите, сэр!

Повернул голову на голос — человек в расшитом золотом камзоле, шляпе с пером и прочей, явно старинного покроя одежде протягивал рукоятью вперёд длинный узкий меч. Это против гномьего топора?

«Вот это влип!» — подумал Иван, на подгибающихся ногах выходя навстречу злобно ухмыляющемуся бородачу.

Постойте... на ногах? А где костыли? Зрители спёрли?

— Эй, недомерок, сейчас тебя благородный сэра своей зубочисткой до смерти защекочет!

Да, зрителей много. Целая толпа, причём одна половина этой толпы отдаёт симпатии гному, а вторая просто не любит Ивана. А почему?

Свистят, улюлюкают...

— Этот благородный уже в штаны наложил! — Бородатый коротышка прекратил размахивать топором и презрительно сплюнул под ноги. — И сам он на кусок дерьма похож.

Не так Иван представлял попадание в чужой мир. В его книгах герои непременно просыпались утром в постелях под шёлковым балдахинном и потихоньку приходили в себя перед визитом папы-герцога. Или в крайнем случае папы-графа.

— Начали! — Человек в расшитом камзоле махнул кружевным платочком, и ему отозвались горнисты с замковых стен.

Чёрт возьми, здесь и замок есть! Настоящий, с высокими башнями, с выбитыми воротами, с валяющимися повсюду трупами... А вон у того из башки стрела торчит! А тех явно придавило сброшенным сверху бревном. Это что получается, штурм только-только закончился?

Ой... гномья секира чуть не оставила без носа... Охамел, коротышка? Рука с мечом будто сама собой рванулась вперёд, вбивая клинок провалившемуся за топором гному в подмышку. Теперь привычно провернуть, потянуть на себя и вверх... Господи, что значит «привычно»?

Тишина. Шум падения грузного тела, сопровождаемый лязгом доспехов. Дружный вздох толпы.

Взгляд в сторону — у богато одетого типа разочарованно вытянулось лицо, но в глазах загорелся неприятный хищный огонёк.

— Этот поединок не считается, виконт.

Иван мысленно улыбнулся — ага, папаша всё же граф. И где тогда его черти носят?

— А что мы будем считать поединком?

— Извольте шутить, сэра Джонни? Ваш воспитатель недаром слыл искуснейшим мечом королевства, и мне почему-то думается, что ему на небесах не понравится слишком лёгкая победа. Всего лишь гном... это неблагородно!

Он идиот? Да коротышка чуть надвое не развалил... Вслух же пришлось сказать иное:

— Я готов.

— Вот как? — В голосе сквозило искреннее удивление, если не что-то большее. — Слухи о вашей... хм... осторожности, сэра Джонни, подтверждённые недавними событиями, несколько не соответствуют действительности.

О чём это он? Завуалированно обвиняет в трусости? Первый раз видит и уже обвиняет? Да что вообще происходит?

Ответ пришёл оттуда, откуда не ждал его получить:

— Ваня, тебя хотят прикончить.

Перед лицом, едва не задевая за нос, летает жирная блестящая муха, а знакомый голос

звучит прямо в голове.

— Вова?

— Ага, я. Да не маши ты руками, придурок. Прихлопнешь ненароком!

— Ты муха?

— Не, мля, орёл... только маленький очень. Мы, демоны, в кого угодно превращаться умеем, понял? А закон сохранения массы — для лохов!

— Это как раз понял. А что ты про убийство говорил?

Информация, полученная от Вовчика, честно говоря, не порадовала. Надо же было такому случиться, что именно сегодня войско маркиза де Рамбуйе взяло штурмом замок барона Ла Фергюса, где Иван имел честь воспитываться. То есть не сам Иван, а виконт Джонни Оклендхайм, но после вселения писателя в чужое тело разницы не существовало.

Гийом де Рамбуйе, за последние пять лет увеличивший свои владения втрое, ни за что бы не добился успеха, но, увы, и в этом мире гружённый золотом осёл открывает любые ворота — барона отравили за завтраком вместе с третьей дружины, так некстати приглашённой к столу. А виконту повезло — как ушёл с утра в библиотеку, так и просидел там весь день, пропустив и убийство воспитателя, и последовавший за ним штурм. Там и нашли его наёмники маркиза.

— Вова, я и правда просил пощадить меня?

— Чистая правда, — заверил демон. — Сапоги, конечно, не целовал, но смотреть было противно.

— Хреново. — Джонни, а Иван решил звать себя именно так, стиснул зубы, что не помешало ему выругаться. — Ублюдок трусливый.

— Ты просто трус, — возразил Вова. — А ублюдками здесь называют бастардов, и при наличии отца этот термин к тебе применять нельзя. Разве что в оскорбительном смысле можно?

Дружинники маркиза отводили глаза, стараясь не встретиться взглядом с мальчишкой-виконтом. Слишком знакома эта отрешённость от мира, беззвучное шевеление губ... так готовятся к бою «бессмертные» шу с Ругийских островов. А потом убивают. Всех. Всегда. Но откуда такие способности у сопляка? Нет, лучше не знать — жизнь воина и без того коротка, а любопытному воину лучше вообще не начинать жить.

Выходить с ним на поединок? Один уже попробовал...

— Я долго буду ждать, сэра Гийом? Скольких ещё убить, прежде чем вы соблаговолите исполнить данное слово?

А ведь маркиза корёжит, это заметно не только виконту. Не хочет отпускать живого свидетеля и одновременно не может нарушить объявленное перед воинами обещание? Пожалуй, так и есть — его войско на три четверти состоит из наёмников, а те чрезвычайно щепетильны в вопросах чести. Своеобразная гордость подонков, подкреплённая заботой о собственном кошельке, — наниматель, не сдержавший слово, вполне способен обмануть и с оплатой.

И ещё маркиз разозлился.

— Вы когда-нибудь убивали людей, виконт?

Надо же, уже по титулу называет. Вежливость превыше всего?

— Этого не считаете? — Кончик меча коснулся лежащей на вытопанной земле секиры.

— Гномы не люди, — пожал плечами сэра Гийом. — Устоите против троих?

Троих гномов? Он что, идиот?

— Почему не сразу против хирда?

— Ах вот вы о чём! — натянуто рассмеялся маркиз. — Подгорный народ не злопамятен, и сегодня к этому добавилось искреннее уважение к мастерству. Нет, до завтрашнего утра ни один коротышка не согласится скрестить с вами оружие.

Надо же, в новом мире у гномов отсутствует комплекс неполноценности по поводу малого роста, и прозвища они воспринимают как должное. Или в наёмники к маркизам идут какие-то особенные? Необидчивые?

— Давайте троих, сэра Гийом.

Вышли. Нет, не добровольцы — де Рамбуйе назначил их, так сказать, волевым решением. Опытные. Опасные. Наверняка сработавшиеся во множестве схваток.

Господи, как же хорошо было на войне! Ручной пулемёт Калашникова рулит!

Эти с алебардами, чёрт бы их побрал. Против меча. Разрешите пригласить вас на тур вальса? Маэстро, музыку! Похоронный марш юному виконту! Или?..

Первый, жилистый одноглазый боец со шрамом через всё лицо, обозначил удар и тут же постарался зацепить за ногу крюком на нижней части древка. Как же эта хреновина правильно называется? Забыл... Второй атаковал вяло, имея целью не задеть, а подставить под третьего. Хоровод? Каравай, каравай, кого хочешь выбирай...

Бац! Клинок скользнул по древку алебарды, срезая пальцы. А кто ж тебе доктор, запрещающий носить боевые рукавицы? Пижоны доморощенные, мля... На! Боец отвалился, зажимая обрубками глубокий порез на внутренней стороне бедра. Туше!

Это второй выбыл из игры. А первый, тот, что со шрамом, почему выпучил глаза и пыхтит громче паровоза? На алебарду села муха весом сто тридцать килограммов и не даёт её поднять? Извини, парень, ничего личного... Меч с хрустом пробил кожаную куртку с нашитыми кольчужными обрывками и вышел из спины. Минус два.

Последний самый опасный? Похоже, что так: нападать не торопится, ходит кругами и мерзопакостно улыбается. И доспехи на нём подогнаны по фигуре. Обедневший дворянин, подавшийся в наёмники?

— Для меня было честью сражаться против вас, сэра Джонни!

— Было?

— Да, — кивнул тот и, перевернув алебарду, воткнул её остриём в землю. — Признаю своё поражение, сэра Джонни.

Маркиз де Рамбуйе налился дурной кровью и, едва сдерживаясь, прошипел:

— Сегодняшний день в расчёт оплаты не войдёт.

Наёмник кивнул и проорал, обращаясь к толпе:

— Я, риттер Сьёрг фон Тетюш, перед богами и людьми признаю себя вассалом виконта Джонни Оклэндхайма и принимаю долг жизни!

— Серёга? — Писатель не поверил своим ушам. — Ты?

— Я это, Ванька, конечно же, я.

Маркиз де Рамбуйе выполнил обещание. Да попробовал бы он не выполнить, если собственная дружина устроила победителю овацию, а наёмники, половина из которых гномы, недвусмысленно застучали по щитам обухами боевых топоров. Так приветствуют

героев или вызывают на бой — у сэра Гийома был выбор.

— Он, конечно, сволочь, но сволочь, не лишённая определённого благородства. — Риттер Сьёрг, размеренно покачиваясь в седле, объяснял Ивану некоторые нюансы местной жизни. — Если не прирезал тебя сразу, то можешь не сомневаться — погоню не отправит. Это не комильфо, если понимаешь, о чём я.

— Благородство из него так и прёт, ага.

— А что ты хочешь? Наш добрый король давно и безнадежно болен, и никто не мешает маркизу немного округлить свои владения. Влиятельные родственники при дворе опять же. Наследников у его величества нет, и герцог Джеронимо Ланца — первый в очереди на престол — приходится сэру Гийому двоюродным братом. Дурное влияние среды и всё такое... Тут поневоле станешь агрессором.

— Барона отравил!

— В целях сохранения солдатских жизней, — ухмыльнулся фон Тетюш. — По отношению к своим людям маркиз весьма человеколюбив.

Джонни немного помолчал, усваивая порцию информации, и задал мучивший его вопрос:

— Ты как к нему попал?

Риттер грустно улыбнулся:

— Когда лейтенанта королевской гвардии обвиняют в получении огромной взятки, якобы для беспрепятственного пропуска убийц во дворец, и приговаривают к четвертованию, то у него не слишком большой выбор работодателей.

— А ты?

— Я не брал.

— Неподкупный страж, да?

— Будешь смеяться, но это так.

— Что же не казнили?

— Успел убежать перед арестом — приговор вынесли заочно. Потом целую неделю прятался в лесах, а буквально два дня назад пришёл к маркизу. Кушать-то хочется!

— погоди. — Иван глубокомысленно почесал кончик носа. — Неделю?

— А всего тут уже месяц.

— Не понял...

Вова, хоть и пребывал в человеческом виде, слух имел, как у нормального инфернального существа:

— Сумки тащил, некогда было за временем следить. — Он погладил золотой «Ролекс» на запястье. — Так уж получилось, извините.

— Извиняем. — Риттер фон Тетюш плюнул коню под копыта. — Представляю, куда он Ирку с Лаврентием Борисычем запендюрил.

— А что? — вскинулся Вова. — Скорее всего, тоже выжили.

— Что значит «скорее всего»?

— То и значит, — насупился демон. — Я же не всемогущий, а по условиям договора вы все должны были умереть.

— В том мире.

— Ага, правильно. А в этом получили новые тела незадолго до их гибели. Формальности соблюдены, и остальное зависит от удачливости. Вы оба удачливые.

— Вот сучонок.

— И не обзывайся! После встречи с демоном удачливость человека возрастает на сто семнадцать процентов. Магическое число, однако.

— С тобой тут многие уже встречались.

— Эти не считаются, они неудачники.

— Владимир Дмитриевич, вы очень скользкий тип!

— В науке и спорте иначе нельзя — съедят! А потом просто привык.

Дальше ехали молча, думая каждый о своём. Скрипели несмазанные тележные оси, наглые белки перебегали через лесную дорогу чуть ли не под копытами коней, пели птички, пахло сосновой смолой и спелой земляникой... Настоящий рай, заставляющий позабыть о заботах и печалях.

— Слушай, Серёга, а куда мы вообще едем? — Виконт первым нарушил молчание.

— Как куда? — удивился фон Тетюш. — Конечно же, к твоему отцу.

— Да?

— А больше некуда. Не в разбойники же идти?

— Я его совсем не знаю.

— Он тебя тоже.

— Это как?

— Древняя традиция предписывает дворянам отдавать наследников на воспитание в чужие семьи, дабы не избаловать отцовской строгостью и материнской любовью. Чтоб золотая середина была.

— У меня ещё и мать есть?

— Увы, но граф Оклендхайм овдовел двенадцать лет назад и с тех пор больше не женился. Тебе сейчас семнадцать, кстати.

— Юнец.

— Вполне совершеннолетний молодой человек, если что. Уже целый год, как имеешь право жениться без родительского одобрения.

— А с ним?

— Хоть в подгузниках под венец вставай.

— Патриархальные нравы.

— И не говори...

Демон Вова, которому надоело изображать возницу, оставил на телеге двойника, превратился в большую пучеглазую сову и перелетел виконту на плечо. Видимо, поболтать захотелось.

— На наследство губищу не раскатывай, друг мой Джонни.

— Что так?

— А нету его! — Сова щёлкнула клювом и заухала, будто засмеялась. — Девять поколений благородных предков безуспешно пытались промотать состояние графов Оклендхаймов, но только твоему покойному дедушке наконец-то удалось это сделать. Города графства купили вольности лет пятьдесят назад, налоги с деревень и плата с арендаторов идут в погашение процентов по долгам банку Ордена Маммоны, а серебряные рудники отошли в казну после неудачного бунта сэра Людвига.

— Бунта?

— Рокош, если тебе это слово о чём-нибудь говорит. Твой папа слишком не вовремя решил воспользоваться древней привилегией — король уже болел и не стал разбираться в

причинах, а герцог Ланца плевать хотел на обычаи. Особенно когда есть возможность оттяпать рудники в личное пользование.

— Полная задница, — сделал вывод Джонни.

— Она самая и есть, особенно с финансами. Думаешь, почему ты лишний год прожил у барона Ла Фергюс?

— Папе самому жрать нечего?

— Не ёрничай, Ваня. Питаться и дичью можно, благо лесов с озёрами у вас до фи́га, — денег на образование нет!

— Зачем оно мне?

— Тоже традиция. Каждый молодой дворянин обязан окончить Королевский университет в столице. Раньше, во всяком случае, был обязан. Нынче таких строгостей нет, но для наследников крупных фео́дов... Король вынужден иметь заложников для спокойствия страны! И прибыль в казну, естественно.

— Бардак!

— И не говори, — согласился демон. — А доходов твоего отца не хватит, чтобы даже один семестр оплатить.

— Чертовщина, — пробормотал виконт. — Должны же существовать бюджетные места, а?

— Обязательно должны, — подтвердил Вова. — И они существуют.

— Вот!

— Только студенты, обучающиеся бесплатно, долго не живут.

— Почему?

— Обыкновенная человеческая зависть. Ведь за счёт казны поступают самые талантливые, а кто же их любит? Три четверти погибают в первый же месяц на дуэлях, остальные вносят плату или умирают чуть позже. Кто-то получает нож в брюхо в кабацкой драке, некоторым разбивают головы ночные грабители... Мафия бездарей, чо!

— И король ничего не может сделать?

— Король? — вмешался риттер фон Тетюш. — Его величество уже десять лет как при смерти лежит, только всё никак помереть не соберётся... Королю не до университета.

— Дурдом!

— Согласен, — кивнул Съёрг. — Но если не пойдёшь учиться, то хрен тебе, а не графство в наследство.

— Будем думать, — решил Джонни. — Много думать.

До родительского замка добирались больше недели, останавливаясь на ночь в недорогих придорожных трактирах, и за это время виконт Оклендхайм наконец-то разобрался с местной, довольно запутанной денежной системой, а также поразил свидетелей дотошностью при расчётах и требованиями сдачи. Никто не ожидал от благородного такой мелочности, но Джонни твёрдо решил поддерживать режим жёсткой экономии, тем более что своих денег пока нет. Серёга, правда, заверял, будто сюзерен вправе распоряжаться кошельком вассала по собственному усмотрению, но это прозвучало как-то неубедительно, и Иван страдал, осознавая себя нахлебником. Только горсть мелочи сунул в карман — на непредвиденные расходы.

Полегче стало, когда у моста через безымянную речку попался выживший из ума барон, промышлявший взиманием с путников пошрины за топтание своих земель. Медный

полугрош, брошенный виконтом в дорожную пыль, гордый дворянин счёл оскорблением и вызвал обидчика на поединок.

Иван удивился. Какое такое оскорбление? Вот, помнится, перед армией пришлось побывать в Белоруссии, так там за проезд российских легковушек по полдоллара берут. Но зато и качество дороги соответствующее, а тут пыльное позорище с глубокими колеями от тележных колёс. Даже не полугроша, зуботычины бы хватило.

Чуть позже барона вернули за выкуп его же жене, явно разочарованной крушением надежд остаться вдовой. Но семь полновесных золотых озабоченная стерва заплатила без пререканий, да ещё добавила двенадцать серебряных гривенок за хромящего коня. Доспехи не отдали. Меч тоже — его Джонни подарил Серёге.

И вот наконец перед уставшими и грязными путниками предстал замок, имевший вполне грозный вид, но с лёгким налётом запустения и обветшания.

— Нас что, со стен не видят? — удивился Джонни.

— Некому смотреть, — пояснил фон Тетюш. — Там всего лишь пятеро стражников, да и те заступают в караул только по ночам.

— А днём пьянствуют? — уточнил демон.

— Это вряд ли. По слухам, стражи сэра Людвига зарабатывают на жизнь в кожевенной мастерской, а охрана замка — не более чем хобби.

— От кожемяк всегда плохо пахнет, — поморщился Вова.

— Тебе с ними не целоваться.

— Оно конечно... — Тут по телу демона прошла дрожь, он ненадолго окутался сиреневым туманом, и спустя несколько мгновений перед риттером и виконтом стоял самый настоящий северный варвар, сверкающий обритой наголо головой и сжимающий в руках боевую секиру. — Теперь точно ни одна вонючка не подойдёт!

— Неплохо, — оценил Джонни. — Ты теперь у нас кто?

— Норвайский рикс Вован Безумный из рода Димуса Синяя Борода, а чо?

— А где оригинал?

Демон немного смущенно засопел и нехотя признался:

— Он помер.

— Давно?

— Вот только что и помер. А не надо было в пьяном виде падать за борт драккара! Сам виноват!

В ворота колотились долго. Прошло не менее двадцати минут, прежде чем открылось окошко, напоминающее «васисдас» московских булочных времён Евгения Онегина, и хриплый голос спросил:

— Кого нечистый в такую рань принёс?

— Уже полдень, болван! — Фон Тетюш попытался ухватить сторожа за шкуру прямо через отверстие, но потерпел неудачу из-за нехоти дёрнувшегося коня. — Открывай!

— Его сиятельство никого не принимает! Приезжайте завтра, а лучше недельки через две! — И окошко захлопнулось.

— Немедленно открывай виконту Оклендхайму! — Заранее спешившийся Вова грохнул обухом в ворота, но немного перестарался и проломил довольно-таки гнилую доску. — Его милость соизволили вернуться домой!

— Проваливай к нечистому с такими шутками, варвар, — не поверил сторож.

— Сам посмотри.

— Не буду! — Но любопытство победило, и он опять распахнул «васисдас». Вгляделся, высунув голову. — Мастер Джонни? Я немедленно сообщу вашему батюшке... Радость-то какая! — И убежал, оставив путников снаружи.

Демон почесал бритую макушку:

— Гостеприимство на высоте, ядрёна кочерыжка.

Риттер поддакнул:

— Ага, бардак полнейший. Им бы сюда прапорщика хорошего, чтоб ещё советской закалки, — те даже из потомственного интеллигента способны сделать нормального человека. Или хотя бы солдата. Распустились, панимаишь!

Подождали ещё минут пятнадцать. Но так никто и не появился. Наконец демон-боксёр не выдержал:

— Вы как хотите, а я пошёл.

— Куда?

— Туда.

Секира с размаху влетела в то место, где предположительно должен был находиться запирающий ворота брус. Створки вздрогнули... и медленно завалились внутрь, зазвенев вырванными из расшатавшейся кладки штырями петель.

— Ни фиги себе! — Вова торопливо отпрыгнул от упавшей сверху решётки. — А если бы по башке попала? Заикой сделают.

Поднявшаяся туча пыли заставила виконта расчихаться, а когда она немного осела, голос с той стороны преграды произнёс:

— Не думаю, что доблестного рикса можно напугать какой-то там решёткой.

— У нас в Норвае так шутят.

— Я понял.

Человек сделал шаг вперёд. Лёгкая улыбка на губах, внимательные серые глаза, седина и жёсткие складки у рта...

— Здравствуй, сын.

Если бы в этот момент в Джонни ударила молния, он бы её не заметил. Интонации... взгляд... черты лица... всё так напоминает погибшего много лет назад отца. Не он, но похож

так, что сердце кольнуло.

— Я вернулся.

Джонни сидел в бочке с тёплой водой, смывая въевшуюся дорожную пыль. И время от времени прикладывался к кубку с довольно-таки дрянным вином — иного в Оклендхайме давно не водилось. Сам граф Людвиг находился тут же и всё сокрушался:

— В приличных замках под душем моются, а у нас... Бытовые маги нынче за услуги дерут неимоверно и требуют заключать контракт на пять лет с обязательной полной предоплатой.

— Они всегда полными ублюдками были, — согласился виконт, который о существовании магии узнал только что, зато не раз сталкивался с сантехниками из домоуправляющей компании. — Мочить их нужно в сортире.

Граф представил, как топит в отхожем месте главу гильдии бытовиков мэтра Дюпона, и зажмурился от удовольствия. А потом по башке ему, по башке...

— Прислать кого-нибудь, чтоб потёрли спину, сынок?

— Нет, не нужно. — Служанки женского пола в отцовском замке отсутствовали, если не считать старой толстой стряпухи, а с мужиками Джонни предпочитал пить водку, а не устраивать сеансы тайского массажа. — Моих друзей разместили?

— Они тоже приводят себя в порядок.

Сэр Людвиг спутников сына рассмотрел внимательно и пришёл к выводу, что одобряет выбор виконта. В столь юном возрасте суметь подружиться с варварским риксом — это дорогого стоит. Те обычно считают южан изнеженными недотёпами и предпочитают не заводить знакомств с будущими жертвами. Но рикс Вован, судя по всему, не воспринимает Джонни в качестве законной добычи. Удивительно и так не похоже на норвайцев.

Бывший лейтенант королевской гвардии тоже неплох. На ложное обвинение наплевать и растереть — из Оклендхайма выдачи нет, и герцог Ланца, буде ему вздумается предъявить какие-либо претензии, идёт лесом. Риттер фон Тетюш не из тех людей, что продаются за деньги.

От мыслей о деньгах сводило скулы. А ведь ещё сыну доспехи заказывать... какой виконт выйдет в свет без доспехов? Нет, столичные франты могут, но тем не нужно скрывать под бронёй огрехи и недостаточную пышность одежды. Слава Небесным Богам, хоть меч покупать не придётся — с собой привёз. Хорошие мечи безумно дороги, а трофеи на стенах лучше не трогать — всё что-нибудь ценное продано ещё при жизни старого сэра Леопольда, отца нынешнего графа и дедушки виконта.

— Сын, завтра мы едем в Окленд.

— Замечательно, — оживился Джонни. — Мне ещё из одежды надо кое-что прикупить и новые сапоги.

Сэр Людвиг мысленно выругался — припрятанной на чёрный день трёхзлотовой марки едва-едва хватит на оплату доспехов, а тут непредвиденные расходы. И ведь не откажешь единственному сыну и наследнику!

— Купим.

Может быть, получится занять у Ордена Маммоны с десяток гривенок? Столько должен, что увеличение суммы уже ни на что не влияет.

А Джонни получал удовольствие от долгожданного купания, пусть даже без мыла и шампуней, заменённых пучком неизвестной травы. Кстати, Ирка вроде бы сгребла в сумки

всё, что стояло на полочках в ванной? Надо будет посмотреть, а если это так — подарить отцу новенький бритвенный станок с большим запасом кассет. Лучше для мужчины нет! Самому ещё долго не пригодится.

Машинально провёл рукой по подбородку. Да и чёрт с ней, с отсутствующей щетиной! Главное то, что ноги слушаются и нормально ходят. Замечательные новые ноги нового тела. Кто не бывал в шкуре полупарализованного инвалида — тому этой радости не понять.

Ужин прошёл оживлённо, но благопристойно. И сэра Людвига очень удивили манеры норвайского рикса, восседающего за столом с достоинством и учливой непринуждённостью. Варвар повязал салфетку, так как заложить её за воротник мешало отсутствие оно у надетой на голое тело кожаной жилетки, и, привычно орудуя столовыми приборами, ел жёсткое мясо дикого кабана, запивая поразительно маленькими глотками из высокого бокала. Норвайцы как образец утончённого этикета? Куда катится мир?

Риттер фон Тетюш, пока гостеприимный хозяин отвлёкся на рассматривание норвайца, тайком выплюнул под стол не поддающийся зубам жилистый кусок и поинтересовался:

— Не подскажите, сэр Людвиг, сколько сейчас просят за полный курс университета?

Граф помрачнел. Впрочем, он уже лет сорок приходил в дурное расположение духа от любого упоминания о предстоящих расходах.

— Семь марок за все четыре года.

— Дорого. — Фон Тетюш покачал головой. — Как три пеших барона или два с четвертью, но на хромом коне.

— Вы о чём, сэр Съёрг?

— Разве Джонни не рассказывал о своей стычке на дороге?

— Стычке?

— О да! От того болвана чуть ли не стружки летели! Но с выкупом, как мне кажется, виконт продешевил.

— Я бы за такого борова и дырявого эскудейро не дал, — вмешался норваец, аккуратно вытирая губы салфеткой. — Повесить бы его на собственных кишках, и всех делов.

Граф Оклендхайм переводил удивлённый взгляд с одного гостя на другого. Покойный Горацио Ла Фергюс неоднократно писал о некоторой робости воспитанника, сделавшего выбор между книгой и мечом в пользу первой, но вот почему-то уважаемые свидетели рассказывают об ошибочности сделанных выводов.

— А помните тот великолепный выпад, сэр Съёрг? — Варвар покрутил в руке вилку, изображая удар. — Какая точность!

— Да, теперь бедолага не только в седло, но и на жену никогда не сможет залезть. Жена ему теперь без надобности. — Риттер наклонился к сэру Людвигу: — Я и говорю, что продешевил, так как во всём цивилизованном мире евнухи ценятся дороже.

Раскрасневшийся от похвал Джонни не стал объяснять, что хотел ткнуть барона в живот, но подвернувшийся под ногу кротовый холмик заставил руку дрогнуть, и удар пришёлся чуть ниже, чем нужно. Пусть отец гордится... Но чёрт побери, как же он похож на настоящего отца! Интонации, выражение лица. Скупые и точные жесты... Не хватает только отметины от миномётного осколка на левой щеке — памяти о лейтенантской молодости с экскурсиями в тёплые страны. Не ходите, дети, в Африку гулять!

Утро началось с кошмара, именуемого физзарядкой. Неугомонный демон, добровольно

взявший на себя обязанности тренера, за ногу выдернул Джонни из-под тёплого мехового одеяла. Заставил умыться холодной колодезной водой и для начала устроил пробежку. Восемь кругов вокруг замка с мешком песка за спиной.

— Ты пойми, — поучал варварский рикс виконта. — В фехтовании, как и в боксе, многое зависит от дыхалки и выносливости. Как бы ни был поставлен удар, но если после второго раунда они сдохли... тогда ты сам на очереди.

— Шёл бы ты в ад со своими советами, — задыхаясь и обливаясь потом, ворчал Иван.

— Местной религией ни ад, ни ему подобные места не предусмотрены, — заржал Вова. — Исключительно замечательные заблуждения! Нечистая сила вроде как есть, но никто не знает, откуда она появляется.

— Бомжует?

— Ага, вроде того.

— Или из тех ворот, что и весь народ.

— Я в глобальном смысле, Джонни. Вопросов размножения нечисти касаться не будем.

Тяжелее всего пришлось на пятом и шестом круге. Потом незаметно включилось второе дыхание, и к силовым упражнениям виконт приступил окончательно проснувшимся.

— А где Серёга? — Говорить, одновременно отжимаясь с отягощением, не слишком удобно, но желание разделить с товарищем тяготы физподготовки оказалось сильнее. — Он почему не занимается?

— В ближайшую деревню по бабам пошёл.

— А я?

— А ты ещё молодой.

Иван обиделся:

— Пока сюда не попали, мы с Серёгой ровесниками были.

— Ага, — согласился демон. — Были, но сплыли. Тем более рыжая Ирка никогда не простит тебе измену.

— Найти бы только её.

— Найдём! Рыжие без вести не пропадают.

— Жаль.

— В каком смысле?

— Я про Чубайса.

— Да, точно жаль.

Сэр Людвиг Оклендхайм, стоя на стене замка, с умилением наблюдал, как варварский рикс в хвост и в гриву гоняет виконта. Нет, всё-таки несправедливо норвайцев считают самодовольными и необразованными дикарями — наверное, сталкивались лишь с северным простонародьем и никогда не видели представителей высшего общества.

Этот явный аристократ. Не зря же после вчерашнего ужина, затянувшегося до трёх часов ночи, спросил у графа, как пройти в библиотеку. Не может, видите ли, уснуть, если не почитает на ночь что-нибудь философское. Увы, но книги тоже распроданы, за исключением нескольких рукописных манускриптов по древней фортификации.

А сын молодец. И то, что по дороге домой ухитрился заработать две с половиной марки, говорит не только о способности к фехтованию, но и о хороших деловых качествах. Да, молодец! Теперь бы его женить удачно на недурном приданом и влиятельных родственниках, и можно со спокойной душой отпускать в университет. Лучше всего на факультет магической

медицины — большое приданое дают только вместе с крокодиловидной страхолюдиной, а колдомедики после четырёх лет обучения из любой обезьяны красотку сделают. Особенно если эта обезьяна — собственная жена.

Да-да, править женские рожи нужно после свадьбы и рождения первого ребёнка, не ранее. Иначе возможны такие последствия, что сама богиня здоровья и красоты Солнцеподобная Целлюла не поможет. Исключений не бывает. Зато жениху всегда предъявляют товар лицом, так сказать! И достойное приданое замечательно устраняет недовольство излишне требовательным и эстетически привередливым.

Так... у кого из соседей в наличии уродины надлежащего возраста? Ой, конечно же, дочери на выданье. На севере у барона Кремсгольфа вроде бы есть, но горбатая и тупая. Нет, не подойдёт. И не уговаривайте! Слабоумие не лечится.

Самая младшая виконтесса Лефевр? Эта умна как демон, но довольно миловидна. А фигурой вообще пошла в бабушку-эльфийку. А ещё Лефевры бедны. Отпадает.

На западе? На западе владения герцога Ланца, и вассальные бароны скорее прирежут своих малышей, чем выдадут замуж без дозволения сюзерена. А сэр Джеронимо никогда не разрешит. Этот облезлый хорёк надеется прибрать графство к рукам и никогда не допустит, чтобы наследник Оклендхайма разбогател и смог оплатить обучение в университете. Старый чмошник!

— Чмошник! — сэр Людвиг громко повторил слово, случайно услышанное от рикса Вована, и решил, что норвайское ругательство как нельзя лучше подходит для описания характера первого претендента на престол королевства Грумант. — И ещё он беспредельщик отмороженный!

Значит, западное направление можно не рассматривать. А что на юге? Там столица и земли короны, находящиеся под непосредственным управлением его величества Ловия Третьего. Уже лучше, но опять же есть опасность вторгнуться в сферу интересов проклятого Ланца, чувствующего себя в королевских землях, как петух в курятнике, то есть полным властелином. Ага, в сторону юга тоже пока лучше не смотреть.

Остаётся восток — непроходимые горы с тремя перекрытыми крепостями перевалами, а дальше только степь и кочевые эльфы. Приличному государству без соседей-кочевников никак — внешняя угроза более или менее ограничивает масштабы междоусобиц, заставляя поддерживать хотя бы видимость сильного государства. В принципе при нормальном короле так оно и есть на самом деле, но... но сейчас такого нет.

Эльфийки в невесты не подойдут. Вообще-то они красавицы, особенно если вышить побольше, но беднее самого графа Оклендхайма. Если только оплатить обучение в университете баранами? Не возьмут — среди студентов баранов и так не меньше половины.

Небесные Боги, что же делать-то?

Джонни не подозревал о терзавших отца мыслях и потому к поездке в город готовился с лёгкой душой. Ещё и риттер фон Тетюш поднял настроение, предложив надеть свои доспехи.

— Подумаешь, чуть великоваты! Зато дырки на камзоле прикроешь. Сапоги тоже надень — сена набьёшь, и станут впору.

— Спасибо, Серёга, выручил, — улыбнулся виконт.

— Пустое, — отмахнулся тот. — Я всё равно никуда не поеду.

— Устал?

— Есть немного.

Риттер широко зевнул и потянулся. По уверениям наблюдавшего за сборами Вована, сэр Сьёрг сейчас напоминал персонажа местных сказок — хтонического кота Воркота, обожравшегося русалками.

— Такой же ленивый, — сделал вывод рикс. — А я, Джонни, с тобой прогуляюсь. Сам понимаешь — мы в ответе за тех... ну и так далее по тексту.

— Проваливайте, — отмахнулся бывший участковый. — Пива мне привезите. Типа за аренду железа, ага.

— Слышь, капитан... — возмутился демон.

— Старший лейтенант, если что.

— Никогда ты не станешь майором.

— Плагиатор!

— Это другой мир, тут Высоцкого цитировать можно.

В ратуше вольного города Окленда затишье. Здесь и так обычно немногочленно, а в полдень вообще трудно кого-либо найти. Сейчас все приличные люди обедают, а после обеда сама Солнцеподобная Целлюла велит поспать, дабы течение телесных соков пришло в равновесие и чёрная желчь из селезёнки не поднялась к мозговой железе.

Маги-лекари из благородных часто посмеиваются над такими объяснениями, но ведь они лечат дворян. А у тех, как известно, организмы устроены совсем не так, как у простолюдинов, купцов или гильдейских мастеров. А как же иначе? Принцессы вон вообще бабочками какают! Ибо так заведено Небесными Богами, и не человеку пытаться постичь их замыслы!

Почтенный Микаэль Тарбаган, имеющий честь являться председателем магистрата этого славного города вот уже третий пятилетний срок, над предрассудками посмеивался, но с превеликой охотой предавался полуденному отдыху после плотного обеда. Всегда, но только не сегодня. Не во время срочного собранного совета «лучших людей».

Председатель прокашлялся и постарался придать лицу соответствующее серьёзности момента выражение:

— Господа, я бы попросил со всей ответственностью подойти к решению вопроса, от которого, как мы все понимаем, зависят судьба и будущее нашего города. И хочу надеяться, что нобили славного Окленда не падут жертвами сиюминутной выгоды, отказавшись от взгляда в перспективу.

Тарбаган любил использовать в речи непонятные слова из умных книг и часто наслаждался произведённым эффектом.

— А господин председатель магистрата понимает, что его предложение бросает тень на репутацию вольного города? — вкрадчиво произнёс закутавшийся в норвайские меха Фердинанд Нуэво, владелец рыбокоптилен и ловов практически всего графства. — За вольности уже заплачено, так что я не вижу причин, заставляющих нас раскошелиться ещё раз.

— Вы против, господин Нуэво? — В голосе Микаэля, прошедшего тяжёлый путь от мальчика на побегушках до владельца половины харчевен и трактиров Окленда, лязгнул металл.

— Да, я против! — Рыбопромышленник стукнул кулаком по подлокотнику кресла. — Мы не обязаны платить, и в своём последнем письме герцог Ланца лично обещал, что... ой...

— А подробности, господин Нуэво? — Глава гильдии хлебопёков, сидевший справа от Фердинанда, как-то нехорошо оживился. — Переписка с самим сэром Джеронимо — это не баран чихнул!

А Микаэля Тарбагана оговорка рыбопромышленника заставила задуматься. Ублюдочный герцог уже вербует сторонников в вольном городе? Ищет наивных идиотов, обещая им золотые горы?

Небесные Боги, ну почему вы позволяете дуракам жить? Неужели им непонятно, что, заполучив графство Оклендхайм в полное пользование, сэр Джеронимо тут же объявит вольности всех шести городов несостоятельными! Лысый хорёк не допустит, чтобы в разросшемся герцогстве остался хоть какой-то независимый от него островок. И никогда не

откажется от взимания налогов, причём недоимки за прошедшие пятьдесят лет тоже будут учтены и взысканы.

— Джейсон, друг мой, не соблаговолите ли вы...

— Конечно же, господин председатель магистрата! — улыбнулся главный булочник и, не меняя выражения лица, воткнул Фердинанду Нуэво в печень трёхгранный стилет. — Как скажете, Микаэль!

— Спасибо, мой добрый друг, — поблагодарил Тарбаган. — Эй, кто-нибудь, выкиньте отсюда падаль!

Остолбеневшие участники совета полными ужаса взглядами проследили, как слуги с рожами прирождённых разбойников уносят труп. Председатель поспешил разрядить обстановку:

— Не беспокойтесь, господа, состояние и имущество предателя будет поделено между членами магистрата поровну.

Дружный вздох облегчения и возвращающийся на внезапно побледневшие лица румянец. Громкие голоса:

— Мудрые слова, господин Тарбаган!

— Среди нас нет места прихлебателям герцога!

— За нашу и вашу свободу!

— Так победим!

Микаэль поднял руку, останавливая говорунов, и продолжил:

— А теперь, когда каждый из нас стал богаче на... на... — заглянул в листок бумаги на столе, — на восемнадцать марок, два золотых и одиннадцать гривенок, нужно решить вопрос, из-за которого мы сегодня и собрались.

— Давайте и виконту выделим долю, — предложил главный булочник. — Мы не обеднеем, а ему на обучение хватит с лихвой.

— Вы меня не поняли, Джейсон, — покачал головой Тарбаган. — Выделить мы можем, да! Но я предлагаю немного иное. Жест доброй воли, так сказать. Скинуться не из внезапно образовавшейся добычи, а из личных средств, это гораздо благороднее. Вы знаете щепетильность графа Людвиг в вопросах чести.

— Даю три марки, — буркнул молчаливый толстяк с распухшей из-за больного зуба щекой. — Но нужен список с именами жертвователей.

— Зачем? — удивился Микаэль.

— Отольём бронзовую доску, на коей будет написано, что такие-то и такие-то господа внесли вот такую сумму на благо вольного города Окленда. Почётно, приятно и не так обидно расставаться с деньгами. Истинную цель сборов можно не указывать.

— Но по три марки с двенадцати человек? — усомнился Джейсон.

— Давайте две, но тогда места на доске вам не хватит. — Толстяк поморщился и схватился за щеку. — И не забывайте, что, кроме оплаты университета, виконт должен прожить в столице четыре года. Голодранец, пусть даже самого благородного происхождения, не сможет завести полезные знакомства. Нужно объяснять уважаемым господам значение личных связей?

Микаэль Тарбаган с удовлетворением кивнул. И правда, обычного выпускника Королевского университета герцог Ланца может запихнуть куда-нибудь на границу с эльфами, где даже маги не всегда выживают, а вот представителя высшего общества... это будет выглядеть неприлично! Да сэра Джеронимо за такое свинство любовницы заплюют!

— Предлагаю сложиться по шесть марок.

Тишина, в которой чудится скрип мгновенно соображающих мозгов и звон монет. Решительный возглас толстяка с большим зубом:

— Даю восемь!

Председатель магистрата хлопнул в ладоши:

— Bravo, господин Юрган, так и порешим! Двух часов на посещение банка хватит всем? — Переждал гул голосов и задал ещё один вопрос: — Кто возьмёт на себя почётную обязанность по передаче денег, господа?

Господа замялись. У графа Оклендхайма тяжёлая рука, и вдруг он воспримет инициативу магистрата как обидный намёк и оскорбление? Дело тонкое и требующее обходительности.

— Опять всё самому, — притворно вздохнул Тарбаган. — Небесные Боги, опять всё самому! На что только не приходится идти ради спокойствия родного Окленда!

— Ваше имя на бронзовой доске будет стоять на первом месте, — прибегнул к лести толстяк. — Вы лучший, господин Микаэль.

— Хорошо бы, если так. — Председатель взмахнул рукой. — А теперь в банк! Все в банк! Сэр Людвиг с сыном намерены прибыть в город около трёх часов пополудни.

Окленд Ивану понравился чистотой и общей опрятностью — именно так обычно и выглядит средневековый город в представлении среднестатистического писателя-фантаста. Разве что вонь из забранных решётками сточных канав мешает полностью поверить в идиллию, да десяток нищих с гниющими язвами у ворот. И ещё больше за воротами. У многих язвы сделаны на неплохом уровне и похожи на настоящие — профессионалы, мать их ети...

С требованием подаяния под копыта коней бросился самый неопытный или самый глупый, а остальные не решились заступить дорогу благородному графу, следующему в сопровождении не менее благородных спутников. И никто не удивился полученному дурачком подзатыльнику, разве что поразились несказанной доброте варварского рикса, совсем не свойственной норвайцам.

— Распустились, понимаешь, без прапорщиков, — проворчал демон. — И куда смотрят городские власти, сэр Людвиг?

— А что такого? — пожал плечами Оклендхайм. — Содержание нищих является давней традицией, а после того как по соглашению с магистратом попрошайки вырезали гильдию воров, так вообще стало почётной и необременительной обязанностью. Размеры подаяний строго оговорены, с них платятся налоги, и брошенная монета обходится всяко дешевле, чем срезанный кошелёк или обчищенные дома почтенных жителей.

— Да? — удивился демон. — Неплохо придумано.

Видимо, норвайского рикса внезапно укусила совесть, так как, покопавшись в кошеле на поясе, он кинул пострадавшему несколько медных эскудейро. Тот поднял монеты с мостовой, подбросил и две протянул обратно:

— Благодарю вас, сэр, но здесь полтора гроша вместо утверждённого магистратом полугроша.

Вова усмехнулся:

— Поделишься с арбалетчиками.

— С какими? — Нищий сделал вид, будто удивился.

— С теми, что прикрывают вашу братию с крыш. Их там пятеро?

— Да, сэр!

— Тогда скажи им, что только болваны так бездарно маскируются.

— Вы к ним слишком строги, многоуважаемый Вован, — вмешался граф. — Они же самоучки.

— Дилетанты. — Норваец достал ещё одну монету. — Лови!

— Спасибо, сэр!

— Вы свободны, юноша.

Радость нищего от щедрого подаяния длилась недолго — едва только благородные всадники скрылись за поворотом, как старшие коллеги накостыляли молодому так, что тот всерьёз задумался о ненужности фальшивых увечий. Зачем, если сейчас своих будет в достатке?

— Недоумок! — Лохматый, но тщательно выбритый старик огрел бедолагу костылём по спине. — Граф Оклендхайм пользуется правом беспошпинного въезда в город!

— Но я же не знал его в лицо!

— Твои проблемы. — Костыль больно ткнулся в ребра. — И какой идиот принимал у тебя экзамен?

— Но, дедушка, ты же и принимал.

— Хм... да... Я погорячился насчёт идиота. Но работать самостоятельно ты ещё не готов.

— Так ведь...

— И не уговаривай! А если бы тот рикс снёс твою тупую башку?

— Но он не снёс!

— Добрый варвар попался. Куда катится мир?

Упомянутый нищими норвайский рикс направлял коня уверенно, будто знал город не хуже местного жителя.

— Вы не возражаете, сэр Людвиг, если я выберу заведение по своему вкусу?

— Выбирайте, сэр Вован. Но должен сказать, что даже в самых захудалых тавернах Окленда вы найдёте отличную кухню. Разница лишь в окружающей обстановке — спокойный ужин под музыку обойдётся вчетверо дороже, чем такой же, но под звуки мордобоя.

— С дракой приятнее и экономнее. — Рикс мечтательно улыбнулся. — Но именно сегодня почему-то хочется тишины. Старею, наверное.

— А сколько же вам лет, рикс Вован?

Вова задумался. Самому тридцать два было плюс демону примерно пятнадцать тысяч лет...

— Мы, сэр Людвиг, свои года не считаем. Всё боится времени, а время боится норвайцев!

— Золотые слова, хоть сейчас девизом к дворянскому гербу! Но всё же позволю себе рекомендовать вот этот трактир. — Граф указал на вывеску, изображающую скрипку и сломанный смычок. — Очень прилично, а если выступают норвайские волынщики, то практически безлюдно.

— Хорошо, сэр Людвиг, — согласился Вова. — Я лично исполню для вас лучшие мелодии своей родины!

Оклендхайм-старший отшатнулся вместе с конём и дрогнувшим голосом произнёс:

— Вольники прекрасны! Но увы, кое-какие дела лишают меня удовольствия послушать их чарующее пение, рикс. Я присоединюсь к вам позже.

— Мы подождём, отец, — пообещал лишённый музыкального слуха Джонни. — Непременно подождём.

В банке Ордена Маммоны, крупнейшем из банков вольного города Окленда, графа встретили без интереса. Братья, имеющие право выдавать кредиты, куда-то исчезли, а мелкие служки занимались ссудами до двенадцати грошей включительно, и разговаривать с ними о крупном займе не имело смысла.

— И когда все вернутся? — Сэр Людвиг держал безбородого юного полугнома в чёрной хламиде на вытянутой руке. — Мне долго ждать?

— Простите великодушно, ваше сиятельство, — оправдывался служка, чувствовавший себя крайне неуютно. — Но все старшие братья ушли на аутодафе и вернутся не скоро. А может быть, вообще только завтра.

— Куда-куда?

— Сегодня на Ратушной площади оглашают приговор ведьме, сэр! А потом её торжественно сожгут на костре.

— Ведьму? Что за бред, их не сжигают лет четыреста.

— Триста восемьдесят два года, сэр. Но у этой нет лицензии.

— Пусть бы купила.

— Денег у неё тоже нет, ваше сиятельство.

Граф разжал пальцы, полугном рухнул на пол и совсем было успел заползти под стол, как был остановлен следующим вопросом:

— А ссуду вы ей не давали?

— Брат Гругус предлагал, но ведьме не понравились проценты. А ещё она расцарапала нашему настоятелю лицо, порвала новую хламиду и четыре раза ударила ногой в... — Тут служка покраснел и замялся. — Маг-медик сказал, что теперь брату Гругусу станет легче преодолевать насылаемые нечистым искушения.

Сэр Людвиг выругался. Судя по всему, славящийся любвеобильностью настоятель предложил ведьме нечто такое, от чего та отказалась в грубой и решительной форме. Теперь он точно не появится в банке, пока не налюбуется на сожжение недотроги. Но деньги-то нужны! Тоже пойти на площадь и поговорить о займе прямо там? Это выход, пожалуй.

— Во сколько начинается казнь?

— В четыре часа пополудни, сэр!

Виконту рекомендованный отцом кабачок понравился безлюдностью и отсутствием вольноков. Он не знал, как звучат норвайские, но в своём мире однажды имел неосторожность посетить фестиваль кельтской музыки. Ну кто же мог подумать, что на Земле кельтами называют шотландцев с ирландцами? Оно, конечно, хорошо, когда отсутствует музыкальный слух, но пронзительный вой кожаных мешков долго преследовал Ивана во снах, отступив только в армии после ранения и госпиталя.

А ещё здесь не оказалось знакомых по собственным книгам тяжелых дубовых столов и массивных лавок. Нет, всё тонкое и изящное, даже белоснежные скатерти без следов прошлогодних трапез. И это внушало беспокойство.

— Вова, да с нас же тут три шкуры сдерут!

— Ты так думаешь? — Варвар воткнул секиру в обшитую деревянными панелями стену, плюхнулся на скрипнувший стул и щёлкнул пальцами. — Человек!

Официант, или как он называется в этом мире, материализовался мгновенно:

— Что изволит благороднейший рикс?

— Усталые путники изволят скушать по дюжине устриц с белым вином урожая позапрошлого года, пару хороших лангустов, икры. И... — Вова посмотрел на Ивана. — Виконт, вы больше любите морские гребешки или трепанги?

Тому оставалось только кивнуть, но когда официант ушёл, он со злостью зашипел сквозь зубы:

— Вова, до ближайшего моря неделя пути. Ты представляешь, сколько наш заказ может стоить? Хочешь меня разорить?

— Да ни в коем разе! — Норваец ухмыльнулся. — Таверна не будет вечно пустовать — сейчас неторопливо покушаем, подождём, а потом нас оскорбят и мы вынужденно ввяжемся в драку. Проигравший заплатит.

— А если в морду дадут нам?

— Обижает! — Демон демонстративно почесал кулаком кончик носа.

Но каково же было его разочарование, когда появившийся официант вместе с заказом принёс и счёт. Всё честь по чести — плотная бумага с рамочкой в виде завитушек, красиво выписанные цифры... И не уходил, пока Вова не расплатился. От огорчения рикс даже сдачу забирать не стал, лишь задал вопрос:

— А где весь народ? Почему так пусто?

— На Ратушной площади!

— Зачем?

— Посмотреть на сожжение ведьмы!

— Живьём?

— Конечно, живьём, сэр рикс! Так же гораздо интереснее.

В газах официанта читалась зависть к счастливицам, имеющим время на просмотр увлекательного зрелища. И тайная надежда, что благородные посетители сейчас провалятся сквозь землю и можно будет без помех смыться на площадь.

— Джонни, не желаешь взглянуть на аутодафе?

— Иди ты к чёрту, сэр Вован.

— Хотя бы из любопытства одним глазком глянуть?

— Не хочу.

— Заодно материал для новой книги соберёшь. А то напишешь про казнь, а сам её и не видел никогда. Настоящие шедевры по Википедии не пишутся, Джонни!

Иван скривился, а официант горячо поддержал предложение северного варвара:

— Конечно же, идите, благородные господа! Последнее сожжение ведьмы случилось почти четыреста лет назад, и тем обиднее пропустить нынешнее. О чём вы будете рассказывать внукам? Представьте, сэр, как крохотный малыш спрашивает вас о сожжениях в благословенном Окленде, а вы не сможете ответить. Малютка несказанно огорчится! Да что там огорчится — это же целая трагедия! Пожалейте ребёнка, благородные господа!

Виконт бросил мимолётный взгляд на стол:

— Вообще-то мы собрались пообедать.

— О, даже не беспокойтесь! Всё останется в целости и сохранности, а в честь праздника от лица владельца я имею честь предложить бутылку венсенского семилетней

выдержки.

— Одну?

— Две. За счёт заведения, разумеется.

— Но красное вино под лангустов и устриц? — задумался Вован.

— Под бриольский паштет и нежнейшую ветчину собственного приготовления, — медовым голосом уточнил официант. — После зрелища всегда просыпается зверский аппетит, а скидка в половину цены весьма тому способствует!

— Уговорили. — Джонни встал из-за стола и поправил меч на поясе. — Где тут у вас Рагушная площадь?

Идти оказалось недалеко, поэтому коней оставили у трактира под присмотром чумазого мальчишки, приходившегося владельцу «Сломанного смычка» очень дальним родственником. Однако с эскудейро, составляющим одну шестую часть гроша, пришлось расстаться. И здесь платная парковка, мать её...

Демон пёр через толпу и не прилагал к этому никаких усилий — люди слышали тяжёлые шаги и сами расступались перед огромным варваром с секирой на плече.

— Смотри, Джонни, местные паханы с удобствами расположились. — Рост позволял норвайскому риксу видеть всё издалека. — Даже кресла поставили. Кинотеатр, мля...

Действительно, за спинами любопытных Иван разглядел какое-то возвышение, застеленное коврами и заставленное в несколько рядов обыкновенными стульями. Насчёт кресел демон приукрасил — грубые поделки из ближайшего кабака никак на них не тянули.

— Отвянь, гнида! — рявкнул Вова, отодвигая в сторону стражника с алебардой, вознамерившегося закрыть путь к лучшим местам. — Благородную кровь не можешь опознать, морда?

Тот, как житель вольного города, к тому же находящийся при исполнении, имел свой взгляд на дворянство вообще и его отдельных представителей в частности, но благоразумно не стал спорить и освободил дорогу к подиуму.

— Нам точно туда?

— Ага, — кивнул норваец. — Занимаем самые рублёвые места. А кто не успел, тот опоздал.

Иван вслед за варваром поднялся по ступенькам, вызвав недоумённые взгляды у одетых в чёрные хламиды с капюшонами личностей, и чуть не столкнулся с сэром Людвигом, разговаривающим с краснолицым толстяком.

— Отец?

Граф обернулся:

— Джонни? Сын. Познакомься с братом Гругусом, настоятелем Ордена Маммоны в Окленде.

— Виконт Оклендхайм к вашим услугам!

Иван слегка склонил голову, обозначая небрежный, но вежливый поклон высшего низшему, и тут ему в спину ударил крик с площади:

— Куда грабки тянешь, бычара? Ты же педрила, а не палач! В этой зачуханной деревне есть нормальные палачи? Не трогай меня, педофил! Сталина на вас нет, уроды!

Как же тяжело бить секирой плашмя — хищное, отливающее синевой лезвие так и стремится извернуться, врубиться в мягкое податливое тело, проломив тонкую скорлупу доспехов или смешную кожаную куртку с нашитыми железными бляхами. Но Вова сдержал кровожадные порывы собственного оружия и расшвыривал стражников у обложенного вязанками хвороста столба аккуратно, не нанося тем значительного ущерба. Сломанные руки и челюсти не считаются, как и расквашенные носы с разбитыми головами. Сами виноваты. Да, сами! Зачем мешают виконту Оклендхайму убивать городского палача? Что значит он единственный на всё графство и других больше нет? Незаменимых людей не бывает! Тем более не до смерти убивает, а так... до полусмерти изувечит, и всё. Писатели-фантасты вообще очень добрые. Иногда.

Пока демон отбивался от стражников, Джонни безуспешно пытался перерубить цепи, удерживающие у столба рыжую девицу лет шестнадцати-семнадцати, чертами лица очень напоминающую резко помолодевшую Ирку. Только та никогда не носила длинный и грязный балахон с многочисленными прорезами, предпочитая короткие юбки.

— Ты кто?

И голос до того знакомый, что сердце заколотилось быстро-быстро. Во что же ты вляпалась, дура рыжая?

— Кто-кто... я ужас, летящий на крыльях ночи! — От очередного удара по толстой цепи меч обломился у самой гарды. — Китайский подсунули, твою мать!

— Джонни? — Иркины глаза широко распахнулись.

— Нет, я Карл Иероним фон Мюнхгаузен, барон на полставки при Государственной Думе Российской Федерации.

— Ой, Ванечка, а меня тут сжечь хотели. Представляешь, ведьмой обозвали! — И тут же без всякого перехода выдала: — Ваня, я тебя люблю, и мы обязательно поженимся.

Тем временем демон покончил с последними защитниками несостоявшегося аутодафе, подошёл к столбу и хрястнул топором по цепи — половинками разлетевшегося звена контузило кого-то из зевак. Потом погладил не получившее ни единой щербинки лезвие и, как заправский гусар, щёлкнул каблуками:

— Разрешите представиться, мадемуазель! Рикс Вован из рода благороднейших норвайских риксов! Вова я, короче говоря.

— Ой...

— Да нормально, чо! Поцелуешь спасителя? Да не меня, Ваньку целуй.

Как только молодой Оклендхайм спрыгнул с помоста и бросился спасать ведьму, а огромный варвар принялся избивать стражу, брат Гругус возмутился до глубины души. Кто посмел заступиться за преступницу, покусившуюся на святое?

— Где арбалетчики? Ой...

Настоятель подавился криком, заворуженно глядя на упёршийся в печень меч, а старший Оклендхайм негромко посоветовал:

— Заткните пасть, пожалуйста.

Сидевшие по обе стороны от брата Гругуса служители Маммоны испуганно замерли, не решаясь противоречить решительному сэру Людвигу, а самый сообразительный замахал

руками, показывая стрелкам, что они неправильно поняли возглас настоятеля.

— Вы совершаете преступление, граф, — выдавил банкир.

— Я? — Оклендхайм изобразил удивление. — Наоборот, я не позволяю ему совершиться.

— В каком смысле?

— Согласно древнему закону, если найдётся кто-то, добровольно согласившийся сочетаться браком с осуждённым на смерть, казнь отменяется. Хотите нарушить тот закон?

— В нём говорится о том, что невинная дева может спасти приговорённого...

Богато одетый горожанин с золотой цепью на шее вмешался в разговор:

— Вы ошибаетесь, брат Гругус, в законе ничего не говорится о девах, тем более невинных. Любой доброволец, и всё тут!

— Спасибо за консультацию, господин Тарбаган, — поблагодарил граф. — Но что же нам скажет настоятель ордена?

Председатель магистрата вольного города Окленда всем своим видом выразил надежду на строптивость старшего брата Ордена Маммоны. Увы, господин Микаэль немного просчитался.

— Да будет так! — выдохнул банкир. — Маммона благословляет жениха и невесту!

Переодевшаяся в приличную одежду Ирка пряталась за спиной Ивана, опасаясь попасться на глаза будущему свёкру, но жених предательски отошёл в сторону, представив невесту под внимательный взгляд отца.

Граф Оклендхайм переглянулся с норвайским риксом и довольно улыбнулся:

— Доченька... Да, вы позволите называть вас именно так?

— Можно, — робко ответила рыжая.

— Замечательно. Итак, доченька, желаешь ли ты выйти замуж за этого юношу?

— Желаю, и уже давно! — Ирка покраснела и опять спряталась за спину Ивана.

— Давно? — удивился граф.

— Как только его увидела, — пояснил рикс Вован. — Джонни настолько неотразим, что девушки просто обязаны влюбляться с первого взгляда. Разве вы не верите в такую любовь, сэр Людвиг?

Оклендхайм-старший верил. Но больше всего верил в то, что с планами занять денег у Ордена Маммоны придётся расстаться. Ладно ещё город взял на себя расходы по лечению побитых стражников — хвала Небесным Богам, что норвайский рикс действовал грубо, но аккуратно и никого серьёзно не покалечил. Переломы срастутся, ушибы заживут, синяки рассосутся... Только вот в кошельке от этого ничего не прибавится.

Разговор происходил всё в том же трактире «Сломанный смычок», куда участники бурных событий на Ратушной площади решили вернуться в надежде, что заказанный и оплаченный обед их дожидается. Удивительно, но так оно и оказалось, только количество блюд на столе значительно увеличилось. Сияющий, как только что отчеканенный злотый, официант склонился к варварскому риксу и доверительно зашептал:

— Господин Тарбаган лично распорядился.

Сэр Людвиг, разобрав шёпот, поинтересовался:

— Микаэль решил заняться благотворительностью?

— Не знаю, ваше сиятельство, но он обещал появиться чуть позже и всё объяснить. И просил обязательно его дожидаться.

Тяжёлый разговор в банке Ордена Маммоны стремительно скатывался к безобразному скандалу. Брат Гругус, брызгая слюной во все стороны, тыкал пальцем в бумажку и орал:

— Откуда взялись такие расценки, господин Тарбаган? Вывихнутый палец городского стражника никак не может стоить четырёх золотых!

— Дешёвых стражников в Окленде нет, — невозмутимо ответил председатель магистрата. — По другим вопросам, как я понял, возражений не имеется?

— Они есть! — Банкир захлебнулся от негодования. — Почему аренда арбалетчиков оценена в шестьдесят марок? Мы же договаривались о двух!

— Совершенно правильно, брат Гругус, договаривались... Но о чем? О том, что стрелки присмотрят за порядком, но нападение на виконта Оклендхайма и его невесту договором не предусматривалось. Так что всё честно — дополнительные услуги оплачиваются отдельно.

— О каком нападении вы говорите? — опешил настоятель. — Не было такого.

— Было. Множество свидетелей тому, как вы подали команду. Заметьте, я не прошу компенсировать моральный ущерб оскорблённым призывом к нарушению закона людям.

— Но... — Брат Гругус запнулся и ещё раз пробежался взглядом по длинному списку, задержавшись на итоговой цифре. — Но триста двенадцать марок и два золотых? Это несерьёзно!

— Округлим до трёхсот пятнадцати? — предложил Тарбаган.

— Округлять не будем. Но почему столько?

— Дрова нынче дороги, брат!

— Хворост так и остался лежать на площади, господин председатель.

— Да? Тогда давайте добавим семь гривенок метельщикам улиц.

— Это грабёж! Я буду жаловаться!

Где-то внутри себя настоятель уже смирился с тем, что с деньгами придётся расстаться, но хотелось сохранить лицо. Кому пожалуешься на вольный город? Разве что его величеству, но король давным-давно скинул дела на герцога Ланца, а сэр Джеронимо за решение проблем берёт дорого. И ссориться с магистратом не с руки — цеховой и гильдейский старшины Окленда проводят через банк Маммоны солидные суммы, и лишиться процентов от сделок для Ордена в высшей степени неразумно. Начнут работать с «Гномьим штандартом», и что тогда?

— Я согласен, господин Тарбаган. Прикажете перевести на счёт магистрата?

— Наличными, брат, исключительно наличными!

На Ратушной площади тоже происходил разговор, но исключительно деловой, без повышенных тонов и взаимных упрёков. Почтенный мастер Дилли Джанс, ведущий происхождение из славного гномьего рода Кольтов, обсуждал с заказчиком, таким же гномом, эскиз бронзовой памятной доски и сроки её изготовления.

— И завитушки пустить по краям?

— Да, мастер Дилли, без завитушек никак.

— Тогда получится немного дороже.

— Расходы окупятся.

— Не сомневаюсь, почтенный мастер Юдашек, нисколько не сомневаюсь. — Гном оторвался от эскиза и посмотрел на соплеменника. — А если буквы позолотить?

— Думаете, будет лучше?

— Несомненно. Пусть все видят издали, что именно в вашей мастерской одеваются виконт и виконтесса Оклендхайм. Кстати, сколько леди Ирэна запросила за использование своего имени в коммерческих целях?

— Три процента от стоимости любого заказа.

— Разумная девушка, господин Юдашек. Характером — вылитая гнома.

— Леди Ирэна не похожа на гному, господин Дилли.

— Да-да, конечно... рыжеволосая и без бороды... Но у каждого есть свои недостатки, не так ли?

— Золотые слова, господин Дилли! Так когда будет готов мой заказ?

— Хотелось бы повесить доску до их свадьбы? Сделаем.

У главы магистрата совсем другие заботы, не похожие на таковые у мастера-литейщика и лучшего в городе портного, но по странному совпадению они тоже некоторым образом касались предстоящей свадьбы виконта Оклендхайма. Почтенный господин Микаэль Тарбаган думал о том, что самой удобной возможностью вручить сэру Людвигу собранные средства будет именно бракосочетание наследника, и никого не удивит солидный подарок. В любом другом случае мог создаться неприятный прецедент, позволяющий графу не только надеяться, но и требовать ежегодный пенсион в той же сумме. Хороший вариант, да... Но если бы не маленький нюанс — денег у Оклендхайма-старшего нет совсем и он не сможет организовать соответствующее случаю торжество, ограничась тихой семейной церемонией. Тогда подарки делать не принято. И где же выход?

— Наши гости ещё здесь?

— Точно так, господин Тарбаган. — Официант поклонился городскому голове, к тому же являющемуся владельцем таверны «Сломанный смычок», и доверительно сообщил: — Цены мы подняли вдвое, как вы и приказывали.

Микаэль с удовлетворением кивнул — на интересе оклендцев к виновникам сегодняшнего переполоха грех не заработать. Жизнь в городе скучна, редкие развлечения надолго остаются в памяти, а тут почти настоящая казнь с последующим чудесным спасением! Это гораздо интереснее, чем просто сожжение ведьмы! И как тут не выпить и не закусить в компании героев? Пусть не в компании, пусть за другим столом, но всё же... Неудачники, не попавшие этим вечером в таверну, помрут от зависти!

— Проводи и представь меня.

— Вы же знакомы с графом, господин Тарбаган.

— Представь его спутникам, болван!

Официант подтянулся. Придал лицу торжественное выражение, обернулся к залу и громко прокричал:

— Господин Тарбаган, председатель магистрата вольного города Окленда и распорядитель сегодняшней казни!

Сэр Людвиг успел остановить виконта, схватившего секиру норвайского рикса, но не смог удержать рыжую. Ирка вскочила со стула, вытянула ладонью вперёд правую руку и задорно взвизгнула. Светящийся ярко-зелёный шар пролетел впритирку к голове выпучившего глаза Микаэля Тарбагана, вышиб входную дверь и взорвался, вырвав большой кусок из угла дома на противоположной стороне улицы.

В таверне повисла напряжённая тишина, вдруг сменившаяся благоговейным шёпотом кого-то из посетителей:

— Природная боевая ведьма... Их же не бывает.

В следующий миг Иван сгрёб рыжую в охапку:

— Ты что творишь?

— Я не специально!

Тарбаган перевёл дух и подошёл к столу. Очень осторожно подошёл — примерно так же мышка пробирается к сыру под ленивым взглядом притворяющегося спящим кота.

— Леди Ирэна, примите искренние извинения по поводу случившегося недоразумения.

Рыжая фыркнула и недобро прищурилась:

— То, что меня чуть не сожгли на костре, считается недоразумением?

— Но у вас же отсутствовала лицензия.

— Плевать я хотела на ваши лицензии.

Господин Микаэль вздохнул и подумал, что сумму подарка придётся увеличить минимум втрое — по не отменённому до сих пор закону природные боевые ведьмы пользовались привилегией не вставать на учёт в королевском министерстве магии. Они даже на войну не призывались, прибывая в действующую армию исключительно на добровольных началах, и могли покинуть её в любой момент по собственному желанию. Правда, закон не применялся лет этак восемьсот ввиду полного отсутствия природных боевых ведьм, но тем не менее никогда не отменялся.

И вот спустя несколько веков они появились. Одна, во всяком случае. Ну так что, триста марок?

— Леди, предлагаю воспринимать случившееся как трагическую ошибку, обусловленную человеческим фактором. Орден Маммоны, проводивший расследование, ввёл магистрат в заблуждение, а не то мы бы тотчас... Мы же тоже...

При упоминании о банкирах сэр Людвиг едва заметно поморщился, и городской голова окончательно убедился в обоснованности своих предположений относительно пустоты графского кошелька. И решил сделать предложение:

— А не сыграть ли нам несколько партий в кости, ваше сиятельство?

— Прямо здесь?

— Ну что вы! Есть отдельный кабинет, где никто не помешает нашему... э-э-э... азарту, а молодёжь пусть посидит без стариков. Не желаете ли присоединиться к игре, благородный рикс Вован?

Поздним вечером, когда хорошие люди уже ложатся спать, брат Гругус ещё работал. Впрочем, он относил себя к добрым с большой натяжкой и мог себе позволить засидеться в банке до полуночи. Особенно если нужно встретиться с человеком, делящимся сведениями не только за деньги, но и из любви к искусству.

— Так ты говоришь, триста марок? В кости?

— Да, брат Гругус, именно в кости. Сам бы не поверил, если бы не был тому свидетелем. И ещё два золотых господин Тарбаган проиграл норвайскому риксу.

— Расплатился?

— С варваром или с графом Оклендхаймом?

— С обоими, болван!

— Зачем сразу обзывать? — обиженно пробормотал человек, в котором посетители таверны «Сломанный смычок» без труда опознали бы тамошнего официанта. — Конечно, расплатился — я лично помогал таскать мешки с печатями вашего банка.

— Граф ещё в городе?

— Увы, он покинул Окленд почти два часа назад и наверняка подъезжает к своему замку.

— С охраной?

— Господин Тарбаган предлагал взять три десятка стражников, но сэр Людвиг отказался.

— Это хорошо.

— Чем же? Варвар как раз трёх десятков и стоит.

— Не твоё дело. — Брат Гругус бросил на стол приятно звякнувший кошелёк. — Свободен.

— Как скажете, мой господин, как скажете, — поклонился официант, одновременно забирая деньги. — Так я пойду?

Банкир сделал нетерпеливый жест, а когда добровольный шпион исчез за дверью, погрузился в размышления под бокал красного венсенского. Что ни говорите, а семь лет назад в Венсене выдался удачный для виноделия год.

Долгий поток привёл мысли в порядок. Значит, так... граф отказался от охраны? И это замечательно! В его замке всего пятеро воинов, сам сэр Людвиг, виконт... Варвара действительно можно приравнять пусть не к трём десяткам, но к одному точно. Итого семнадцать мечей. Пусть даже двадцать, это уже ничего не меняет.

Всего-то и нужно сделать самую малость — послать весточку маркизу де Рамбуйе. Уж он не откажется от жирного куска в три сотни марок. Брат Гругус даже обычную долю не потребует — отдаст Ордену рыжую девку, и обязательства сторон можно считать исполненными.

Сказано — сделано! Перо заскользило по бумаге, оставляя аккуратные строчки. Этим чернилам можно доверять — после вскрытия пакета они продержатся не больше часа, а потом растают без следов и улик. Дорогостоящее, но удобное изобретение. Но стоит потраченных денег, ибо окупается сторицей.

Удивительно, но разговоры в этот насыщенный событиями день ещё не закончились, и последний из них происходил в таверне «Сломанный смычок» уже далеко за полночь.

— Ты всё ему рассказал, Вильям?

— Всё, что вы разрешили рассказать, господин Тарбаган.

— А про ведьму, то есть будущую виконтессу Оклендхайм?

— Я же не враг своему здоровью — леди Ирэна умеет производить впечатление. Но ведь он завтра узнает сам?

— Но будет уже поздно, — улыбнулся председатель магистрата. — За банком проследил?

— Не извольте беспокоиться, брат Гругус отправил гонца с письмом. А как думаете, сэр Людвиг сильно рассердится, если узнает, что это вы его подставили?

— Я? Ты о чём, Вильям?

— Да, действительно... — смутился официант. — Во всём виноват Орден Маммоны и более никто. А чем маркиз де Рамбуйе так провинился, что бросает бедолагу против природной ведьмы?

— Не нравится он мне. — Михаэль Тарбаган грохнул кулаком по столу. — Он просто мне не нравится!

Утро опять началось с физзарядки под руководством неугомонного демона, и Джонни поблагодарил судьбу за то, что отец воспротивился идее выделить жениху и невесте общую спальню.

— Пойми, сын, — объяснил граф, — я не желаю на старости лет остаться без замка и жить на развалинах.

— А замок тут при чём?

— При том! Таинство венчания поможет природной боевой ведьме хоть немного контролировать свою силу во время... во время... ну, ты понимаешь, о чём я. Иначе говоря — до свадьбы и не думай! А у комнаты Ирэны будут стоять часовые.

— Внутри? — хихикнул виконт, чем заслужил недовольный взгляд отца.

— Я предупредил!

И вот сегодня Иван радовался, что сохранил хоть немного сил. Впрочем, после пятого круга с дополнительной нагрузкой закончился и тот небольшой запас.

— Вова, больше не могу...

— Надо терпеть. — Демон был полон бьющей через край энергии. — А здорово мы вчера всем наkostenяляли?

— Они твоего топора боялись.

— Топора? — норваец заржал. — Я их жалел — голыми руками вообще бы убил на хрен.

— Ага, ага... — Иван всё же остановился, выплюнул тягучую, с металлическим привкусом слюну и со стоном помассировал селезёнку. — Точно сдохну.

— Без этого сдохнешь ещё быстрее. — Вова стал предельно серьёзен. — Это тело хоть и подходит тебе идеально, к тому же оно немного тренировано, но на мышечной памяти далеко не уедешь — свою надо иметь.

— Погоди, — перебил виконт. — А куда делся прежний владелец тела?

— Тебе не всё ли равно?

— Но как же? Жил себе человек, и тут бац, лезет попаданец и просит подвинуться.

— Виконт Оклендхайм убит на поединке с гномом у стен замка Ла Фергюс. Забудь о нем.

— Но я же остался жив.

— Ты остался, не он.

— Понятно.

— Если понятно, то побежали дальше.

Потом опять была тренировка, во время которой Ивану пришла мысль:

— Вова, ты как-то про мозги говорил.

— Говорил.

— Но мы мышцы качаем и фехтовальные приёмы отрабатываем.

— Если появились глупые вопросы, значит, ты ещё не дорос до понимания. До настоящего понимания, имею в виду. И улыбайся, чёрт побери, на нас со стен смотрят!

Джонни и сам уже заметил Ирку, машущую платочком сверху. Ей-то что не спится в такую рань?

— Вова, она точно ведьма?

— Все женщины ведьмы, только некоторые не научились это скрывать.

— Я серьёзно.

[Купить полную версию книги](#)